A detailed portrait of a man with a full dark beard and mustache, wearing a red and gold robe with a patterned collar. The background is a light gray with a faint image of a pair of glasses.

ВЕРСИИ
МИРОВОЙ ИСТОРИИ

А.Б. Широкоград

БОЯРЕ РОМАНОВЫ

На пути к власти

Александр Борисович Широкоград
Бояре Романовы.
На пути к власти
Серия «Версии мировой истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62085052

*Бояре Романовы. На пути к власти / А.Б. Широкоград: Вече; Москва;
2020*

ISBN 978-5-4484-8383-7

Аннотация

История династии Романовых общепринято начинается с первого царя династии Михаила Федоровича. В этой же книге впервые рассказывается о 250-летней истории боярского рода Романовых. Читатель узнает, как и почему в столь сложное и жестокое время возвысился род Кошкиных-Захарьиных-Романовых и путем каких сложных многоходовых интриг клану Романовых удалось основать новую династию. История рода Романовых неразрывно связана с историей России. Но если в учебниках мы видим историю России в целом как бы со стороны, то жизнеописание одного семейства показывает нам Россию XIV–XVII веков изнутри. Книга Александра Широкограда будет интересна широкому кругу читателей от профессиональных

историков до старшеклассников, как, впрочем, и для всех интересующихся историей Отечества.

Содержание

Глава 1. Андрей Кобыла	6
Глава 2. Кобылины дети	16
Глава 3. Кошкины дети	20
Глава 4. Пояс Василия Косого	28
Глава 5. Братья-инквизиторы	36
Глава 6. Михаил Захарьин и дела казанские	59
Глава 7. Михаил Захарьин и дела марьяжные	67
Глава 8. Смерть Василия III. и правление Елены Глинской	75
Глава 9. Молодые годы царя Ивана IV	85
Глава 10. Царица Анастасия Романовна	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Александр Борисович Широкоград Бояре Романовы. На пути к власти

© Широкоград А.Б., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия,
2020

*Где существуют истории родов, городов и
учреждений, там возможно создание и общей
истории.*

Историк К.Н. Бестужев-Рюмин

*Судьба осуществляется в жизни
народов посредством сознательной воли,
которая умеет воспользоваться благоприятными
обстоятельствами.*

Германский историк Трейчке

*Дикость и невежество не уважают прошедшего,
пресмыкаясь перед одним настоящим.*

А.С. Пушкин

Глава 1. Андрей Кобыла

Обычно романы кончаются свадьбой, а мы свое повествование начнем со свадьбы.

В декабре 1346 г. из Москвы в Тверь за невестой московского князя Симеона Гордого отправился санный поезд, сопровождаемый эскортом дружинников. Командовали эскортом Андрей Кобыла и Алексей Босоволоков, по совместительству они были и сватами. В Твери сватов ждала юная невеста Мария, дочь тверского князя Александра Михайловича. История этого бракосочетания сама достойна романа Вальтера Скотта или драмы Шекспира.

За девятнадцать лет до этого, 15 августа 1327 г., в Твери вспыхнуло народное восстание против татар. Посол Шевкал, двоюродный брат золотоордынского хана Узбека, был убит вместе со своей многочисленной дружиной. Этому событию несказанно обрадовался московский князь Иван Калита. Но, увы, не тому, что православные побили поганых татар, уже 100 лет терзающих Русь. Иван Калита нашел повод раз и навсегда покончить со своим конкурентом в борьбе за титул великого князя Владимирского тверским князем Алексеем Михайловичем. Калита срочно уезжает в Орду и вскоре возвращается с 50 тысячами татар. Татарская орда и московские дружинники уже поздней осенью 1327 г. вторглись в Тверское княжество, ведомые Иваном Калитой. Были взяты и ра-

зорены Тверь, Кашин и другие города Тверского княжества. Заодно татары решили напасть и на Господин Великий Новгород, не имевший никакого отношения к убиению Шевкала и вообще к Тверскому княжеству. Однако новгородцы заплатили пять тысяч рублей, которые поделили между собой Калита и ордынские темники, и Новгород было решено оставить в покое.

Тверской князь Александр Михайлович бежал в Псков, а затем в Литву, но через десять лет внезапно вернулся в Орду. Князь заявил хану Узбеку: «Я сделал много зла тебе, но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, буду готов на все, что Бог возвестит тебе». Хан Узбек ответил: «Князь Александр смиренной мудростью избавил себя от смерти». Хан возвратил Александру Михайловичу ярлык на Тверское княжество.

Но мир между Тверью и Ордой не устраивал Москву. Не прошло и двух лет после возвращения Александра Михайловича в Тверь, как Калита едет в Орду с доносом на Александра и большими «поминками» хану. Нетрудно понять, почему сразу после визита Калиты Александр Михайлович был срочно вызван в Орду. Там 28 октября 1339 г. Александр и его сын Федор были зверски убиты татарами. Калита ненадолго пережил соперника – 31 марта 1340 г. он скончался в Москве. На престол взошел его сын Симеон, прозванный Гордым. Симеон действительно был очень зол и заносчив. Слово «гордый» в те времена звучало почти как ругатель-

ство, недаром попы часто цитировали Апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

И вот великий князь Владимирский и Московский Симеон решает помириться с Тверью. Тверской князь Всеволод Александрович погряз в распрях со своими тверскими родичами, и ему совсем не до борьбы за великокняжеский титул. Брак выгоден обеим сторонам. Спрашивал ли кто-нибудь Марию, хочет ли она замуж за сына убийцы своего отца? Думаю, что нет.

В начале 1347 г. Кобыла и Босоволоков доставляют Марию Александровну Тверскую в Москву. Однако внезапно свадьба откладывается – глава Русской церкви митрополит Феогност категорически отказался венчать молодых. Дело в том, что тридцатилетний Симеон уже был два раза женат. В самом факте этого не было ничего зазорного, поскольку по православным канонам можно было жениться три раза. Зато митрополита смущала «специфика» разводов Гордого.

Первый раз Симеон женился на Айгусте (Анастасии), дочери великого литовского князя Гедемина. Но в 1345 г. Анастасия постригается в монахини, а Симеон сразу берет себе новую жену. Новый брак не был политическим. Вторая жена Евпраксия была дочкой Федора Святославовича, безземельного отпрыска смоленских князей, приехавшего на службу к московскому князю. Не прожив и года с Евпраксией, Симеон отправляет ее к отцу. В летописи было сказано: «Великую княгиню испортили на свадьбе. Ляжет с Великим князем,

и она ему кажется мертвец». Подробную расшифровку этой фразы я оставляю читателю. Но, в общем, неудовлетворенный в интимной сфере «гордый» князь занялся поисками новой невесты.

После нескольких недель противостояния митрополит уступил и повенчал Симеона с Марией, а «разведенку» Евпраксию – с Федором Фоминским, таким же безземельным отпрыском смоленских князей, как и ее отец.

Симеон и Мария нажили несколько детей. Но в 1352 г. на Русь пришла страшная беда – «моровая язва». По свидетельству летописцев, в городах Глухове и Белозерске от язвы вымерли все жители до единого. В 1353 г. в Москве от язвы умирают все дети Симеона, митрополит Феогност, а затем и сам гордый Симеон.

В этой драматической истории для нас представляет интерес лишь одно второстепенное лицо – Андрей Кобыла, сват Марии Тверской. Именно он стал родоначальником семейства Романовых. К сожалению, об Андрее Кобыле нам не известно ничего, кроме его поездки в Тверь и плодовитости. Он имел 5 сыновей, 14 внуков и 25 правнуков. Не только Романовы, но и десятки известных дворянских фамилий считали Кобылу своим предком.

Ряд историков считает, что Кобыла был важным боярином, чуть ли не правой рукой Симеона. Единственным доказательством этого служит факт поездки Андрея за Марией: мол, простого человека не послали бы за княжеской доч-

кой. Да, действительно, Андрей Кобыла не был простым дружинником, но мог быть, предположим, просто сотником. Но летописцы нигде более не упоминают об Андрее Кобыле и его коллеге Алексее Босоволокове. Судя по количеству детей, Андрей Кобыла жил сравнительно долго и имел возможность отличиться, благо Москва непрерывно вела войны с соседями.

В XVIII–XIX веках десятки историков начали поиски предков Андрея Кобылы. Кто-то придумал Андрею отчество Иванович, и оно, спустя десятилетия, стало восприниматься как непреложный факт.

В 1681 г. царь Федор Алексеевич издал указ, предписывающий боярам представить свои родословные. Боярин Петр Васильевич Шереметев представил свою родословную, где было сказано, что его род идет от Андрея Кобылы, который приехал в Москву из Прусс. Никаких доказательств происхождения Кобылы Шереметев не привел, да и никто не копался в таких дебрях. Впрочем, Шереметев был достаточно скромн, а вот князья Юсуповы выводили свой род ни много ни мало, как от пророка Али, племянника Магомета. И вот в начале XIX века сию пишу Шереметева приняли за неопровержимый исторический документ. В 1722 г. в Петербурге была издана «Историография» С.А. Колычева, в которой утверждалось, что в XIII веке потомок прусских королей Гланд Камбила Дивонович приехал из Прусс в Москву и произвел на свет сына Андрея, которого впоследствии на-

звали Кобылой (искаженное от Камбила).

Позже немец Миллер придумал длинную родословную от «короля прусского Вейдевута», вступившего на престол в 305 (!) году, до Гланда Камбилы. Но, по Миллеру, в Москву переезжает не Камбила, а его сын Андрей.

Профессор Л.М. Савелов хорошо сказал: «Крайне интересна легенда о родоначальнике Романовых, они производят себя от короля Прусского Вейдевута, наследовавшего в 305 г. престол от старшего брата Прутено – IV и XIII в., когда считается, что выехал их родоначальник Гланд Камбила Дивонович с сыном, прозванным Андреем Ив. Кобылой, – это дистанция такого размера, что говорить о каких бы то ни было исторических доказательствах весьма трудно, и приходится верить, не рассуждая и допуская о существовании в IV в. прусских королей»¹. Кстати, это было написано до революции, когда вполне можно было схлопотать солидный срок за «оскорбление Его Императорского Величества».

В первой половине XIX века появилось еще несколько версий о происхождении Кобылы. По одной из них, он был потомком рыцарей-крестоносцев, по другой – потомок литовского князя Видвута.

В царствование же Александра II и, особенно, Александра III, в идеологии верхов постепенно усиливается национализм. Александр III первым после Петра I отпустил оклади-

¹ Савелов Л.М. Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994. С. 35.

стую бороду, армия надевает просторные русские шаровары, церкви строят по древнерусским образцам. Историки мгновенно почуяли изменение конъюнктуры и начали искать потомков Кобылы в своем отечестве.

Естественно, лучшим предком для Кобылы был бы какой-нибудь захудалый Рюрикович, но, увы, их родословные в XII–XIII веках более менее известны, и фальшь бесспорно бы разоблачили. А что если отец Кобылы приехал из вольного Новгорода? Это можно было даже сопоставить с родословной 1681 г. Шереметева – сам Кобыла или его отец приехал «из Прусс», но не из Пруссии, а с Прусской улицы в Новгороде. Улица такая действительно была в XII веке в Новгороде. Чем не доказательство? Нашлись, правда, и оппоненты, которые утверждали, что Кобыла приехал из Новгорода, но не с Прусской улицы, а с Кобыльей улицы, и такая действительно была в славном городе Новгороде. Верноподданные историки тщательно перебирали немногочисленные имена новгородцев, попавших в летописи. В конце концов действительный член Императорского Русского археологического общества П.Н. Петров в своем труде «История родов русского дворянства» (Санкт-Петербург, 1886 г.) составил родословную.

Ратша, Стефан, упом. 1146 г.

Якун -Михаил, посадник новгородский, ум. в монастыше с именем Митрофана, 1206 г.

Алекса Горислав, в монастыше Варлаам Св. Хутынский, ум. 1215 г. (?) или 1243 г.(?)

Гавриил, герой невоской битвы 1240 г., ум. в 1241 г., убит нестарым

Иакинф Великий, умер в 1304 г.

Иван

Андрей Кобыла

Федор Свибло

Иван Хромой

И вот последний Андрей и был объявлен Андреем Ивановичем Кобылой. Почему? Вот мнение П.Н. Петрова, автора обширного труда истории родов русского дворянства: «Нам представляется этот Андрей Иванович, внук Акинфа Великого, одним лицом с Андреем Ивановичем Кобылою, родоначальником Романовых, которого происхождение и в родословных XVI века, вероятнее всего, как лица, известного в Москве и начавшего свой род с другим прозванием».

Каковы несокрушимые аргументы – «нам представляется» и «вероятнее всего».

Современные же историки² показывают совсем иное генеалогическое дерево:

² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988.

От Ивана Хромого пошли дворяне Давыдовы; от Александра Остея – Жулебины, Чоботовы и Чулковы; от Ивана Бутурли – Бутурлины; от Михаила Челедни – Челеднины; Федор Корова и Иван Зеленый умерли бездетными. Таким образом, нет никаких оснований отождествлять Андрея Ивановича, внука новгородца Акинфа, с Андреем Кобылой.

Как видим, все версии происхождения Андрея Кобылы очень похожи друг на друга – ни у одной из них нет ни одного достоверного доказательства. Поэтому нам придется оставить бедного Кобылу без родословной и даже без отчества. По мнению автора, наиболее вероятно, что Андрей Кобыла был рожден в Москве или прилегающих княжествах, а его отец был простым дружинником. В начале XII века в маленьком городе Москве наверняка бы запомнили прибытие знатного новгородца, не говоря уж о потомке «пруссских королей», и его сына вряд ли величали бы просто Кобылой. Кстати, так и Зимин пишет о Кобыле: «Происходил он, вероят-

но, из коренных московских (и переславских) землевладельцев».

Глава 2. Кобылины дети

У Андрея Кобылы было пятеро сыновей – Семен Жеребец, Александр Елко, Василий Ивантей, Гаврила Гавша и Федор Кошка. (См. Приложение. Схема 1.)

У Семена Жеребца было четыре сына (Григорий Лодыга – родоначальник Лодыгиных, Коновницыных и Горбуновых; Игнатий, потомство которого пресеклось в середине XV века; Фома, у которого был один бездетный сын; и Александр Синий, родоначальник Горбатов, Кокоревых и Образцовых) и девять внуков. Роль их в истории оказалась невелика.

Игнатий был самым значительным из сыновей Семена Жеребца, по-видимому, он был боярином. По словам Геннадия Бутурлина, он был местом меньше Андрея Ивановича Акинфова. В 1408 г. Игнатия назначили воеводой на Коломне, где он был убит в битве князя Федора Рязанского с князем Иваном Пронским. У Игнатия было три сына – Алексей и бездетные Федор и Андрей. Алексей в 1445 г. был воеводой великого князя в Суздальском бою. Его единственный сын Андрей был убит, по-видимому, в молодости в том же бою и не оставил потомства.

Дети старшего сына Жеребца – Григория Лодыги – были при Иване III «испомещены» в Новгороде, взамен сосланных новгородских дворян. Поэтому они оказались на вторых ролях. Петр Андреевич Лодыгин служил второразрядным во-

сводой в 1515–1521 гг.

Внук Александра Синего, Игнатий Борисович Образец, находился на службе у князя Андрея Васильевича Углицкого. В 1488–1489 гг. он донес своему князю, что Иван III хотел его «поймать». Видимо, великий князь сумел отплатить за это. Один из сыновей Игнатия Образца, Борис, бежал при неизвестных обстоятельствах в Литву. Внуки Игнатия Образца (от его сына Романа) служили князю Владимиру Андреевичу Старицкому.

Внук Жеребца Игнатий Образец в 1501 г. был воеводой сторожевого полка. Его двоюродный брат Иван Игнатьевич Шишка в 1495 г. сопровождал в свите Ивана III во время его поездки в Новгород.

Александр Елко, второй сын Андрея Кобылы, был родоначальником Колычевых, Стербеевых, Неплюевых и Хлудневых. Елко имел пять сыновей: Федор Колыч, Иван Хлудень, Григорий Стербей, бездетный Роман и Федор Дютка. Сын Александра Федор Колыч, живший во второй половине XIV – начале XV века, по-видимому, был крупным землевладельцем. Его владения (село Колычево Московского уезда и село Колычевское Коломенского уезда) упоминаются в великокняжеских духовных и договорных грамотах XV века. У Федора Колыча было четыре сына: Григорий, Андрей, Иван и Тимофей. Андрей погиб в битве с татарами под Суздалем в 1445 г. У него было три сына: Андрей, Семен и Иван Лобан, от них пошли три ветви Колычевых, некоторые пред-

ставители которых попали в думу. Старший брат Андрея Григорий после сражения с татарами под Белевом (1438) подарил в Троицкий монастырь село Конотеребово Московского уезда, полученное им в приданое. Его сын Александр был боярином у князя Михаила Андреевича. Иван и Тимофей умерли бездетными.

Большая часть Колычевых была переселена на Новгородские земли и стала новгородскими помещиками.

Василий Ивантей имел только одного сына Григория, который умер, не оставив потомства.

Потомки четвертого сына Андрея Кобылы – Гаврилы Гавши – также стали новгородскими помещиками и носили фамилию Боборыкины (по правнуку Гавши Федору Андреевичу Боборыке).

Основную же линию продолжил пятый сын Кобылы Федор Кошка. Кошка служил боярином у Дмитрия Донского. Ряд историков утверждает, что Федор Кошка подписывал два завещания Дмитрия Донского – в 1371 г. и в 1389 г., и ему великий князь доверил оборону Москвы, когда сам двинулся на Куликово поле. К сожалению, в летописях указано только имя и отчество боярина – Федор Андреевич, без прозвища. А у Дмитрия Донского, кроме Кошки, был еще боярин Федор Андреевич Свибл. Поэтому точно сказать, кто из них подписывал великокняжеское завещание в 1371 г., и на кого оставил охранять Москву в 1380 г. Дмитрий, мы не можем. Но вот в 1389 г. второе завещание Дмитрия Донско-

го подписали оба боярина Федора Андреевича.

В 1393 г. Федор Кошка возглавил посольство в Новгород. А в 1391 г. Кошка выдал свою дочь Анну за сына тверского князя Михаила Александровича – Федора. Федор Михайлович был младшим сыном и получил крошечный удел – городок Микулин (в настоящее время село Микулино в 50 км от Твери). Анна и Федор имели двух сыновей – Александра и Федора, которые после стали удельными князьями Микулинскими, находившимися в вассальной зависимости от Тверского княжества. В 1485 г. Андрей Борисович, правнук Анны и Федора, отдал свой удел Ивану III и переехал в Москву. Оба его сына стали московскими боярами, и оба были бездетны. Род этот пресекся в 1525 г.

Брак Анны и Федора Микулинского был, несомненно, политическим – попыткой сближения Василия I и Михаила Александровича. Федору Кошке и его детям было крайне лестно породниться с князем Рюриковичем. Но на политические интриги в Москве захудалый микулинский князь никакого влияния не имел, и ничем не мог помочь Кошкиным.

Сам же боярин Федор Кошка под старость лет ушел в монастырь и стал монахом Феодоритом. По предположению историка В.К. Трутовского, Кошка умер в 1407 г.

Глава 3. Кошкины дети

У Федора Кошки было пятеро сыновей – Иван, Федор Голтяй, Александр Беззубец и Михаил Дурной. (См. Приложение. Схема 2.)

Младший, Михаил Дурной, умер без потомства, и нам о нем ничего не известно.

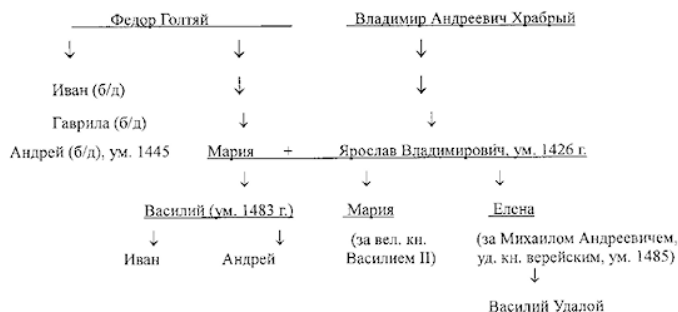
Федор Голтяй получил чин боярина. Его подпись стоит на первой духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича, непосредственно за подписью своего старшего брата Ивана. У Голтяя было три сына: Иван, Гаврила и Андрей и дочь Марья. Умер Голтяй, вероятно, во время больших эпидемий в конце княжения Василия Дмитриевича. Во всяком случае, во время княжения Василия Темного Голтяя не было в живых. Его вдова Марья (инокиня Маремияна) с сыном Андреем дали в 1428–1432 гг. Троицкому монастырю (при игумене Савве) в Кинельском стану Переяславского уезда «село свое в Кинеле Ондреевское Воронина у озера, а опрочь озера... А озера есмя не дала х той земли, что того села жеребей озера». Речь идет об озере Тарбеевском, находящемся в версте от Параклита. Сыновья Иван и Гаврила умерли, по видимому, в младенчестве.

В историю Федор Голтяй вошел тем, что в 1408 г. весьма удачно выдал замуж дочь Марию за сына боровского князя Владимира Андреевича – Ярослава. Все три брата Голтыевы

умерли бездетными, и родовые вотчины достались их сестре Марье Федоровне.

Схема III

Голтяево потомство

Боровское княжество выделилось в 1341 г. из Московского княжества по духовному завещанию Ивана Калиты, отдавшего его сыну Андрею. Сын Андрея Ивановича Владимир Андреевич Храбрый (1358–1410) существенно расширил княжество. Но, умирая, он разделил свою «отчину» между пятью сыновьями. Его четвертый сын Ярослав получил в удел Малоярославец. В браке Ярослав и Мария Голтяева имели трех детей – Василия, Марию и Елену.

Елена Ярославна вышла замуж за удельного верейского князя Михаила Андреевича (внука Дмитрия Донского). Кстати, Михаил Андреевич был первым и последним верей-

ским князем. Это княжество появилось в 1432 г., когда умер Можайский князь Андрей Дмитриевич, и его удел был поделен между сыновьями. Михаил Андреевич был верным союзником Василия Темного и ни разу не изменил ему. Но Иван III отплатил верейскому князю черной неблагодарностью. В принципе, Иван III решил разделиться со всеми своими родственниками без исключения. В 1484 г. Василий Удалой, сын Михаила Андреевича и Елены, вынужден был бежать с женой в Литву. На следующий год Михаил Андреевич умер, а Верейский удел был захвачен Иваном III.

Мария Ярославна в 1433 г. вышла замуж за великого князя Московского Василия II. К ее свадьбе мы еще вернемся.

Как видим, неродовитое семейство Кошки постепенно приобретает большое влияние. В 1408 г. впервые внучка Кошки Мария выходит за удельного князя Рюриковича, а спустя четверть века его правнучка становится великой княгиней.

Брат великой княгини Марии Василий Ярославич восстанавливает единое Серпухово-Боровское княжение. В ходе 30-летней гражданской войны он активно поддерживает Василия II. После победы Василий II пригласил в гости шурина с двумя сыновьями, но 10 июля 1456 г. внезапно велел их схватить, заковать в кандалы и отправить в «тесное заточение» в Углич, где они скончались или были убиты. «Поимание» князя Василия Ярославича было столь непонятным, что летописец не нашел даже слов для его объясне-

ния, ограничившись лишь скупым изложением самого факта. Серпухово-Боровское княжество было присоединено к Московскому. Лишь жене Василия Ярославича и старшему сыну Ивану удалось бежать в Литву.

Рассказав о дочери Голтяя Марии и ее потомстве, перейдем к его сыну – Андрею Голтяеву. Андрей Голтяев стал боярином и воеводой Василия II и Ивана III. В 1434 г. Василий II посылает Андрея Голтяева в Тверь к Ивану Можайскому с целью склонить его на сторону Василия II в конфликте с Юрием Владимировичем. Миссия Голтяева успеха не имела, но это не отразилось на карьере боярина. В январе 1435 г. Андрей Голтяев вместе с другими московскими воеводами был захвачен в Вологде Василием Косым. В декабре 1437 г. Голтяев был одним из воевод в сражении с татарской ордой Улу-Мухаммеда под Белевом. В 1444 г. хан Мустафа подошел к Рязани, и Василий II послал против него двух воевод Василия Оболенского и Андрея Голтяева с конной дружиной и «мордву на лыжах». Любопытно, что в битве с татарской ратью Мустафы под Рязанью кроме конной дружины и мордвы участвовали «казаки рязанские». Это первое упоминание о казаках в русских летописях. Сражение шло при сильной метели, почти все татары были перебиты, погиб и сам Мустафа.

Боярин Андрей Федорович погиб в 1445 г. в Суздальском бою, не оставив потомства. А после его смерти вдова его Акулина дала Троицкому монастырю «село Тарбеевское к

святой Троице и жеребей озера, что к той земле потягло». Таким образом, пресеклась ветвь Голтяевых, игравшая не последнюю роль в русской истории первой половины XV века. Все родовые вотчины братьев Голтяевых достались их сестре Марье Федоровне, жене князя Ярослава Боровского, которая стала богатейшей вдовой. Все эти имения великий князь Иван III отдал своему младшему брату Борису Васильевичу Волоцкому, сыну Марии Ярославны Боровской и внуку Марии Голтяевой, в награду за «стояние на реке Угре».

Закончив с семейством Голтяя, перейдем к третьему сыну Кошки – Александру Беззубцу. Сам он не оставил никакого следа в истории. О нем известно, что он имел трех сыновей – Ивана, Григория и Константина. Из них известен лишь Константин, который был коломенским наместником великого князя Василия II. В 1450 г. Константин Беззубцев на реке Битоге (приток Днепра) разбил рать какого-то ордынца Малым Бердея. Григорий умер бездетным, потомство Ивана также быстро вымерло. Зато у младшего сына Константина было пять сыновей: Федор Замятня, Андрей Шеремет, Семен Епанча, Михаил и Александр Сова. Федор и Александр Сова имели по одному бездетному сыну. Семен Епанча имел двух сыновей – бездетного Василия и Семена. У Семена Семеновича сыновей не было, а дочь его вышла замуж за князя Ивана Михайловича Курбского. Михаил в 1498–1499 гг. был воеводой в Казанском походе, в 1509 г. пожалован в окольничие, а затем тоже исчезает из летописей. От жены Анны

он имел трех сыновей, все бездетные. У Андрея Шеремета было три сына: Иван и Борис бездетные, и Василий. У Василия было шесть сыновей. От первой жены – Иван и Григорий, а от второй – Семен, Никита, Иван Меньшой и Федор. Таким образом, у Константина Александровича Беззубцева было всего 10 внуков, из которых 9 умерли бездетными или не имели мужского потомства, и только Василий Андреевич Шеремет имел потомство и стал родоначальником рода Шереметевых.

Теперь мы обратимся к нашей главной линии, которую продолжил старший сын Федора Кошки Иван. Иван Федорович Кошкин становится боярином при великом князе Василии I. Но любопытно, что если Федор Кошка гнул проордынскую линию, то его сын был настроен против татар. Об этом свидетельствует и послание татарского хана Едигея Василию I: «Добрые нравы и добрая дума и добрые дела в Орде были от боярина Федора Кошки; добрый был человек; которые были добрые дела ордынские – и он тебе об них напоминал; но это время прошло. Теперь у тебя сын его Иван, казначей твой и любимец, старейшина, без которого слова и думы ты не выступаешь. А от этой думы улусу твоему теперь разорение и христиане изгибли. Так ты вперед поступай иначе, молодых не слушай, а собери старших своих бояр: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича да иных многих стариков земских и думай с ними добрую думу».

У Ивана Кошкина было четыре сына: Иван, Федор Брех,

Яков Казак и Захарий.

Старший сын Иван Иванович стал боярином и занял при дворе московского князя место отца и деда. В середине XV века он был наместником в Костроме. В 1459 г. Иван Иванович идет походом на Вятку вместе с князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым. В 1462 г. Иван Иванович в числе пяти знатнейших московских бояр подписывает завещание великого князя Василия II.

У Ивана Ивановича родилось только две дочери. Одну из них Иван Иванович выдал за Тимофея Собакина, убитого в Суздальской битве в 1445 г. Родословную Собакина не удалось выяснить. Другая дочь, Соломонида, вышла замуж за Григория Игнатьевича Козла Морозова, представителя старомосковского боярского рода. Захват Соломонида в плен татарами в 6957 (1448/49) г. на берегах Пахры отмечен в летописях как достопамятное происшествие.

Второй сын Ивана Кошки – Федор Брех – был боярином и известен лишь тем, что имел бездетного сына Ивана.

Третий сын Ивана Кошки Яков Казак имел двух дочерей, которых он весьма удачно выдал замуж, одну – за Андрея Михайловича Плещеева, родственника митрополита Алексея, а другую – за князя Федора Ивановича Ушатого. Федор Иванович был потомком ярославских князей. После смерти ярославского князя Давида Федоровича в 1321 г. дед Ушатого Михаил получил в удел Моложское княжество. Столица княжества город Молога на правом берегу реки Моло-

ги и левом берегу Волги затоплен при сооружении Рыбинской ГЭС. В 1408 г. Моложское княжество вновь раздробилось на Сицкий, Прозоровский, Шуморовский и другие уделы. Чем владел Федор Ушатый, установить не удалось, видимо, несколькими селами. У Федора Ушатого было шесть сыновей: Василий Ушатый, Константин, Иван Ляпун, Иван Бородатый, Юрий и Петр. Потомки Федора Ушатого играли большую роль в годы правления Ивана III.

Захарий Иванович имел трех сыновей: Якова, Юрия и Василия Ляцкого. (См. Приложение. Схема 3). Об этой ветви рода Кобылы я расскажу ниже.

Глава 4. Пояс Василия Косого

В 1425 г. умирает великий князь Московский Василий I. В этом случае по завещанию Дмитрия Донского великокняжеский стол должен занять средний сын Донского Юрий Галицкий. Но у московских бояр, вдовы Василия Софьи Витовтовны и митрополита Фотия иное мнение – они сажают на престол девятилетнего мальчика Василия II. Дружина галицкого князя существенно меньше московской. Тем не менее московские бояре обращаются за помощью в Орду. Как уже говорилось, к этому времени Золотая Орда, распираемая внутренними противоречиями, сильно ослабела. Казалось, что времена, когда московские князья ходили за ярлыком к золотоордынскому хану, давно миновали. Василий I наследовал Дмитрия Донского по завещанию последнего, не спрашивая хана. Но тут московские бояре поехали на поклон к хану Улу-Мухаммеду. Московские бояре подкупили ряд татарских вельмож, а боярин Иван Дмитриевич Всевожский заявил Улу-Мухаммеду: «Государь, вольный царь. Позволь молвить слово мне, холопу великого князя. Мой государь великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему царскому жалованию, и по твоим девтерям (записям) и ярлыкам». Таким образом, хану дали понять, что Василий II будет его послушным слугой. Да и без этого хан мог легко сообразить, что девятилет-

ний ребенок на московском престоле куда менее опасен, чем его пятидесятилетний дядя, храбрый воевода, правивший 36 лет полунезависимым княжеством. Естественно, хан выдал ярлык Василию II. В качестве отступного Юрий Дмитриевич получил городок Дмитров.

Но московские бояре были столь же жадны, сколь и недальновидны. Они надумали малолетку Василия внезапно напасть на Дмитров и «поймать» там наместников Юрия Галицкого. Юрий Дмитриевич вынужден был молча снести это насилие.

В конце 1432 г. Софья Витовтовна решила женить семнадцатилетнего сына на княжне Марии Ярославне, дочери верейского князя Ярослава Владимировича и Марии Голтыевой, внучки Федора Кошки. Нетрудно догадаться, что Софью Витовтовну энергично поддерживал боярин Захарий Иванович Кошкин (внук Федора Кошки). Тем более что в борьбе за власть Кошкиным противостоял боярин Иван Всевожский, доставший Василию II ярлык у хана Улу-Мухаммеда. Всевожский намеревался женить Василия II на своей дочери. Партия Кошкиных победила.

8 февраля 1433 г. состоялась пышная свадьба Василия II с Марией Ярославной. В Москву на торжества прибыли два сына Юрия Галицкого – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Осторожный Юрий Дмитриевич остался в Галиче вместе с младшим сыном Дмитрием Красным. На свадьбе на Василии Косом был надет золотой пояс, украшенный драгоценными

камнями («на чепех с камнем»).

Московские бояре решили устроить провокацию, чтобы окончательно уничтожить Ивана Дмитриевича Всеволжского. На свадебном пиру Захарий Иванович Кошкин внезапно «узнает» пояс на Василии Косом. Этот пояс якобы был дан в 1366 г. суздальским князем Дмитрием Константиновичем Дмитрию Донскому в приданое за дочерью Евдокией. А тысяцкий Василий Вельяминов подменил этот пояс другим, менее ценным, а настоящий отдал своему сыну Николаю. Позже Николай Вильяминов злополучный пояс также дал в приданое за дочерью, которая вышла за Ивана Дмитриевича Всеволжского. А Всеволжский, в свою очередь, дал пояс в приданое своей внучке, вышедшей за Василия Косого.

Версия бояр круга Кошкиных была смехотворна. Недаром историк С.Б. Веселовский назвал ее басней. В январе 1366 г. ни княжна Евдокия, ни ее свита не узрели подмены пояса. А спустя 67 лет Захарий Кошкин вдруг узнал пояс. Как мог Николай Вельяминов отдать пояс Ивану Всеволжскому в приданое, если Николай погиб в 1380 г., когда Ивану было менее десяти лет от роду? До сих пор сохранился документ, обличающий мошенника Кошкина. Это духовная грамота (завещание). Там Дмитрий Донской завещал своему сыну Юрию Галицкому «пояс золот с камнем, что ми дал отец мои, да другии пояс мои на чепех с камнем, а третеи пояс ему же на синем ремени». А князь Юрий Дмитриевич завещал Василию Косому «пояс золот с камнем, на чепех,

без ремени».

Таким образом, на Косом мог быть пояс Дмитрия Донского, но владел он им на законном основании, получив от отца.

Хитрый Захарий правильно рассчитал, что на пиру никто не вспомнит о грамотах и властная и жадная Софья Витовтовна будет действовать решительно. Пьяная старуха подбежала к Косому и сорвала с него пояс. Братья Василий и Дмитрий не рискнули отбивать пояс силой, это значило быть немедленно убитыми. Они немедленно покинули пир и с охранявшими их дружинниками отправились к отцу в Галич.

Инцидент на свадьбе был страшным оскорблением по тем временам, и по дороге братья в бешенстве отыгрались на городе Ярославле, принадлежавшем Москве. Московские воеводы разбежались, а городская казна была захвачена Юрьевичами.

История с поясом была последней каплей, переполнившей чашу терпения Юрия Галицкого. Он вспомнил все – и унижения от хана Улу-Мухаммеда, и захват города Дмитрова, и многое другое. Когда Косой и Шемяка въехали в Галич, дружина отца уже готовилась к походу на Москву.

Василий II собрал большое войско, там была не только дружина, но и московское ополчение из «Москвы гостей и прочих». Рати сошлись 25 апреля 1433 г. на реке Клязьме в 20 верстах от Москвы.

Князь Юрий Галицкий и его сыновья были искусными во-

сводами. Да еще накануне битвы Василий II устроил пир, как писал А.А. Зимин – «москвичи в дым перепились». Рать Василия II была вдребезги разбита, а сам он бежал в Кострому. Юрий Галицкий въехал в Москву и стал великим князем. Вскоре конный отряд под командованием Василия Косого взял Кострому и захватил Василия II. Дядя поступил с племянником великодушно, дав ему в удел город Коломну.

Казалось, чем плохо 18-летнему выпивохе – красивый город на Оке, леса полны зверя (там и сейчас заповедники), да еще молодая жена. Но старомосковским боярам не понравилось быть на вторых ролях у великого князя Юрия Дмитриевича. Большинство из них, включая Кошкиных, отправились в Коломну подговорить Василия II выступить против дяди. К Коломне были стянуты большие силы.

Сам же Юрий Дмитриевич в Москве ухитрился напрочь поссориться со своими сыновьями Косым и Шемякой. Братья вместе с дружинами покинули Москву. В августе 1433 г., не дождавшись подхода войск племянника из Коломны, Юрий Дмитриевич покидает Москву и уезжает в Галич. Василий II вернулся в Москву и снова стал великим князем. Через месяц дядя с племянником заключили мир. Василий II даже дал дяде компенсацию (Бежецкий верх) за отнятый у него Дмитров.

Помирившись с дядей, Василий II решил разделаться с двоюродными братьями и двинул большую рать на Кострому, где укрылись Косой и Шемяка. 28 сентября 1433 г. на

реке Куси Косой и Шемяка вдребезги разбили московское войско и взяли в плен его воеводу Юрия Патрикеева.

Братья обратились к отцу с предложением опять идти на Москву, но Юрий Дмитриевич отказался. Братья вернулись зимовать в Кострому.

Дядя поступил благородно по отношению к племяннику. А вот московские бояре сумели уговорить Василия II внезапно напасть на Галич и захватить там Юрия Дмитриевича. Василий II лично возглавил поход зимой 1434 г. Увы, набег не удался, Галич взять не удалось. Разгромив окрестности, Василий II удалился. Юрий Дмитриевич помирился с сыновьями, и они вместе 20 марта 1434 г. наголову разбили московское войско у горы Святого Николая в Ростовской земле. Василий II бросил войско и бежал в Великий Новгород.

31 марта 1434 г. московский воевода Роман Хромой вышел открывать ворота, и Юрий Дмитриевич торжественно вошел в Москву. Так Юрий вторично стал великим князем. Но пробыть на престоле ему удалось лишь несколько недель – 5 июля 1434 г. великий князь Юрий Дмитриевич скончался.

Борьба за власть разгорелась с новой силой и продолжалась еще почти двадцать лет. Два тезки, претендовавшие на великокняжеский престол, Василий Косой и Василий II (Темный), были ослеплены, а третий претендент – Дмитрий Шемяка – отравлен. Даже краткий перечень событий этой войны представит солидную монографию. Поэтому мы

вернемся к боярам Кошкиным, а всех заинтересовавшихся тридцатилетней войной между сыном и тремя внуками Дмитрия Донского мы отсылаем к монографии А.А. Зимина³.

Бояре Кошкины, несомненно, были если не главной, то одной из главных сил, начавших и поддерживающих гражданскую войну. Отметим еще раз – именно московские бояре с Кошкиным во главе устроили провокацию на свадьбе Василия II.

Василий II был неумным и слабовольным правителем и почти все время находился под опекой старомосковских бояр. Вот Юрий Дмитриевич отправил племянника на удельное княжение в Коломну, и сразу к нему съезжаются бояре и начинают подстрекать его на новый виток гражданской войны. То же повторяется, когда уже ослепленному Василию Дмитрий Шемяка дает в удел Вологду. Не стоит делать из Кошкиных и К^о рыцарей, до смерти преданных своему сюзеру. Возьмем того же боярина Ивана Всеволожского. Именно он фактически выбил великое княжение девятилетнему отроку Василию, но когда Кошкины и К^о лишили его возможности стать зятем Василия II, боярин переметнулся к его сопернику Юрию Дмитриевичу. В конце 1433 г. Василий II приказал ослепить Ивана Дмитриевича Всеволожского. Любил великий князь глазки выкалывать, пока не увидел нож перед своими очами.

³ Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991.

Стоит отметить и довольно интересный экономический аспект. Самым прибыльным промыслом на Руси в те годы была добыча и продажа соли. Крупнейшим центром солеваренной промышленности в XV веке был район Галича (Соль Галичская). Вторым центром по объему добычи соли был район Нерехты. Крупнейшими варницами в Нерехте владел Захарий Иванович Кошкин. После него шли московский боярин Р.А. Остеев, митрополия и Троицкий монастырь. Таким образом, Юрий Галицкий и его сыновья, владевшие Солью Галичской, были сильнейшими конкурентами торговца солью Захария Кошкина.

Остановимся и на личностном аспекте. После скандала на свадьбе Василия II Кошкины больше нигде не высовываются. Их имен нет среди воевод – участников битв, нет среди убитых в этих битвах, нет среди ослепленных. Они действовали лишь на втором плане, а еще больше – за кулисами. И, надо отдать Кошкиным должное, они оказались непревзойденными мастерами интриги.

Глава 5. Братья-инквизиторы

Захват московскими князьями удельных княжеств происходил сравнительно легко. Князь Рюрикович убивался или изгонялся из своего удела. В большинстве случаев это происходило без войны, часто Москва заставляла удельного князя написать духовную (завещание) не в пользу своих детей, а в пользу великого князя. Естественно, что если удельный князь не оставлял прямых наследников, то великий князь забирал себе его удел. Лишь в отдельных случаях дело доходило до войны, до осады и штурма столицы удельного княжества.

С переходом удельного княжества во владение Москвы следовала высылка нескольких самых ближних к удельному князю бояр, причем это было далеко не всегда. Для подавляющего большинства населения процесс присоединения их города к Москве происходил, как сейчас говорят, безударно.

Совсем другая ситуация сложилась при присоединении к Московскому государству республик – Новгорода и Пскова.

В декабре 1478 г. Великий Новгород был силой присоединен к Москве. Для начала Иван III ограничился огромной контрибуцией и захватом волостей, принадлежавших новгородским боярам и духовенству. Было запрещено собирать знаменитое Новгородское вече, которое решало все кардинальные вопросы управления республикой. Когда Иван III

покинул Новгород, вместе с ним были уведены в оковах посадница Марфа Борицкая с внуком Василием и еще шесть видных новгородцев. Вечевой колокол сняли и отправили в Москву, где и установили на колокольне на кремлевской площади.

В октябре 1478 г. Иван III вновь идет на Новгород. При чем идет тайно, чтобы о прибытии войск не узнали в Новгороде. На сей раз было казнено 100 новгородцев, и еще 100 семей детей боярских были разосланы по низовым городам. Новгородский епископ Феофин был взят под стражу и отослан в заточение в московский Чудов монастырь, все богатства архиепископа взяты в Москву. Вместо Феофина по воле Ивана III митрополит Геронтий поставил московского протопopa Симеона, переименованного при посвящении в Сергия. Поэтому Сергий надменно вел себя с новгородцами и третировал местное духовенство. Вскоре Сергия начали мучить видения. К нему сначала во сне, а потом уже и наяву стали приходить давно усопшие новгородские владыки (архиепископы). «Зачем, безумец, – говорили они, – зачем дерзнул ты принять поставление святительства нашего, на место поруганного, несправедливо сверженного и еще живого владыки? Не по правилам ты осмелился сесть на мученический престол! Оставь его!» Сергий вначале крепился, но затем в его поведении появились странности. То он «выйдет из кельи без мантии, то сядет под храмом Св. Софии или у Евфимиевской паперти и глядит бессмысленно». Кончилось дело

тем, что Сергей вообще потерял дар речи. Московские власти официально заявили, что новгородцы отняли у него ум волшебством. 26 июня 1484 г. Сергия увезли в Троицкий монастырь под Москву. Иван III занялся подбором кандидатов на место Сергия. Лучшим оказался чудовский архимандрит Геннадий Гонзов, поскольку архимандрит «а дал от того (за назначение) дви тысячи рублей князю великому»⁴. Геннадий поехал в Новгород. А немощный Сергей, вернувшись в Троицкий монастырь, пришел в себя и прожил еще 20 лет. Судя по всему, даже столь промосковски настроенный священнослужитель ужаснулся безобразиям, творимым московскими наместниками в Новгороде.

Кто же были эти наместники? Это были герои нашего романа – Яков Захарьевич и Юрий Захарьевич Кошкины. За новгородский поход 1478 г. Яков получил чин боярина. А в начале 80-х годов Кошкины были отправлены великокняжескими наместниками в Новгород.

Братья творили в Новгороде буквально все, что хотели. Иван III отдавал лучшие новгородские земли своим боярам. Глава московской боярской думы князь И.Ю. Патрикеев с сыном получили 500 обож⁵, а Яков, Юрий и Василий Захарьевичи получили 800 обож. Любопытно, что когда родные братья Ивана III попросили его поделиться по обычаю новгородской добычей, он им категорически отказал.

⁴ В те времена за рубль можно было купить 200 пудов пшеницы.

⁵ Обожа – надел зажиточного крестьянина, пахавшего землю на одной лошади.

В 1487 г. по доносу Якова Захарьевича Иван III выслал из Новгорода пятьдесят семей лучших купцов и перевел их во Владимир. В следующем году Яков и Юрий открывают «ужасный» заговор новгородцев, которые хотели убить братьев. В Новгороде начинаются массовые казни – кого вешают, кому рубят головы. По доносу Захарьевичей Иван III повелел выселить из Новгорода семь тысяч житных людей (домовладельцев) и поселить их в Костроме, Нижнем Новгороде, Владимире и других городах. В следующем 1489 г. Иван III повелел выселить из Новгорода всех остальных (коренных) житных людей. Их также расселили в Средней России, причем многие были убиты по дороге.

На место высланных новгородцев прибывали обозы с переселенцами со всей России. Мы ранее говорили, что многие потомки Андрея Кобылы переселились в Новгород.

По этому поводу историк Н.И. Костомаров писал: «Так добил московский государь Новгород, и почти стер с земли отдельную северную народность. Большая часть народа по волостям была выгублена во время двух опустошительных походов. Весь город был выселен. Место изгнанных старожилов заняли новые поселенцы из Московской и Низовой Земли. Владельцы земель, которые не погибли во время опустошения, были также почти все выселены; другие убежали в Литву».

Надо ли говорить, что в 80-х гг. XV века Новгород покинуло подавляющее большинство иностранных купцов, зани-

мавших ранее целый квартал в городе – «немецкий двор». Бесспорно, в вольном Новгороде было много буйства, но иностранцы были надежно защищены от него. На тот же «немецкий двор» новгородцы могли заходить только днем. Строгий порядок в торговых сделках сменился бесчинствами Захарьевичей. Да и не с кем стало торговать – все партнеры иностранных купцов были казнены или высланы из Новгорода.

Так рухнули торговые связи Новгорода Великого, доставлявшие огромные средства республике. Иван III из жадности зарезал курицу, несшую золотые яйца.

В целом для истории России уничтожение торговых связей Новгорода, а через 30 лет и Пскова привело фактически к изоляции России на 200 лет от Западной Европы. На западе Россию от Европы отгораживали враждебные Литва и Польша, на юге – Османская империя. Северо-западное окно в Европу заколотил сам Иван III, а в начале XVII века шведы лишь заделали щели.

Как видим, с землевладельцами и купцами московские наместники разобрались сравнительно быстро. Новгородское же духовенство оказалось более крепким орешком. Новгород принял крещение одновременно с Киевом. Новгород не испытал татарских набегов, благодаря чему там сохранилось в неприкосновенности рукописное наследие Древней Руси. Тесные связи Новгорода с Западной Европой сказались на уровне знаний духовенства, как писал историк

Скрынников: «Так называемая Геннадиевская библия засвидетельствовала этот факт с полной очевидностью. В конце XV века книжники и писцы Софийского дома, возглавляемого в то время Геннадием, составили первый полный свод библейских славянских книг, включавший множество книг кирилло-мефодиевского, болгарского и восточнославянского происхождения. Состав библии дал основание филологу А.А. Алексееву заключить, что в XV веке Новгород обладал, по всей вероятности, самым большим собранием рукописей во всем тогдашнем славянском мире. Ни один из кодексов XIV–XVI веков не давал такого подбора библейских текстов, как Геннадиевская библия. За несколько веков самостоятельного существования республики в православии новгородского толка появились черты, отличавшие его от московского. Новгородцы поклонялись своим чудотворцам и угодникам, крестились иначе, чем москвичи»⁶.

Новому архиепископу Геннадию и прибывшим с ним попам было трудно управлять куда более образованным новгородским духовенством. К тому же в Новгороде знали о деньгах, данных Геннадием великому князю. Старец Захарий в лицо заявил Геннадию: «Попы, ден, по мзде ставлены, и митрополиты, ден, и владки по мзде же ставлены». В такой ситуации власть Геннадия могла зиждиться только на репрессиях, и они не замедлили последовать.

Архиепископ Геннадий обвинил ряд священников и мо-

⁶ Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990.

нахов в ереси. Вначале сам Геннадий заявил, что он подслушал разговор двух вдрызг пьяных попов Григория и Ереса, а также дьяка Григория, в котором они ругали «святые иконы». «Еретиков» арестовали, но позже они были кем-то взяты на поруки и бежали в Москву.

Но одной пьяной болтовни было мало для большого процесса о еретиках. И вот появляется провокатор – новгородский поп Наум. Он покаялся, что вместе с беглецами молился «по жидовскы» и прельщал христиан «жидовским десятисловием».

Беглых попов и дьяка Гридю (Григория) вернули в Новгород и на торгу били кнутами. Однако этого Геннадию показалось мало, он стал готовить новый процесс. Начались жестокие пытки новгородского духовенства. Новгородские наместники Захарьевичи деятельно помогали Геннадию в борьбе с его недругами-новгородцами, объявленными еретиками. Они лично участвовали в допросах и пытках заподозренных новгородцев.

Суд над новгородскими еретиками Иван III решил провести в Москве. Познания новгородцев в богословии явно превосходили познания их обвинителей. Поэтому Геннадий Гонзов откровенно сказал судьям: «Да еще люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки бы о вере никаких речей с ними не плодили; токмо того для учинити собор, что их [еретиков] казнити – жечи да вешати». То есть следовало заставить обвиняемых молчать и быстро пригово-

рить их к смерти.

Суд над еретиками происходил в Кремлевском дворце в присутствии Ивана III и Боярской думы. Обвиняемые защищались очень грамотно и все время подчеркивали свою приверженность к православию. В результате Иван III отклонил требования Геннадия и К^о «жечи да вешати». Часть подсудимых была освобождена, остальные приговорены к различным наказаниям. С монаха Захария содрали иноческое платье и выдали епископу Нифонту, «а Дениса попа поточиша в Галич». Содержали их в таких нечеловеческих условиях, что Денис лишился рассудка, заблеял козлом и умер после месячного заточения.

Протопопа Софийского собора Гавриила, дьяка Гридю и других новгородцев отправили на расправу на родину. В Новгороде Геннадий и братья Кошкины устроили аутодафе в лучших традициях Торквемады. Еретиков облачили в вывороченные наизнанку одежды. На головы им надели высокие берестяные остроконечные колпаки с мочальными кистями и соломенными венками. На берестяных колпаках были нарисованы черти и написано «се есть сатаны воинство». В таком виде еретиков сажали на лошадей лицом к хвосту и возили по городу. Аутодафе закончилось сожжением колпаков на головах у осужденных. Интересно, сам ли архиепископ Геннадий вкупе с братьями Захарьевичами придумал сей ритуал, или они получили какую-то информацию с Запада, где тогда проводили аналогичные мероприятия?

Покончив с Господином Великим Новгородом, Иван III решил разделаться и с Тверским княжеством. Тверь оставалась формально независимой, но ее князь Михаил Борисович был верным вассалом Москвы. Тверские отряды вместе с Иваном III ходили на Новгород, а в 1480 г. участвовали в «стоянии на реке Угре». Сам Михаил Борисович был ограниченным и, мягко выражаясь, недалеким человеком и не мог представлять никакой угрозы Ивану III. Тем не менее 21 августа 1485 г. войско Ивана III вышло из Москвы, а с севера на Тверь двинулся отряд новгородцев под командованием Якова Кошкина. 8 сентября началась осада Твери. 11 сентября к Ивану перебежало несколько тверских бояр. А на следующую ночь Михаил Тверской бежал в Литву. Через пять лет летописец кратко запишет о нем: «Борисович Михайло. Играл в дуду. И предал Тверь. Бежал в Литву».

В 1494 г. в Ревеле местные власти сожгли какого-то русского за какое-то «гнусное преступление». Дело неизвестного мелкого купца или холопа не стоило и выведенного яйца. Но на запрос из Новгорода магистр гордо ответил: «Мы сожгли бы Вашего князя, если бы он у нас сделал тоже». Яков Кошкин поспешил наябедничать в Москву. Ивана это сильно задело. Он потребовал, чтобы Ливонский орден выдал ему на расправу ревельский магистрат, на что, естественно, получил отказ. Иван в отместку повелел Якову Кошкину схватить в Новгороде всех немецких купцов, отнять их гостиные дворы и церковь, а товары переписать и отправить в Моск-

ву. Яков и Юрий в точности исполнили приказ – 40 купцов «немцев» из тринадцати городов были посажены в тюрьму, а имущество их разграблено. Слово «немцев» я взял в кавычки, так как это были, видимо, не только немцы, а и выходцы из западных стран – шведы и другие. Обратим внимание на цифры – к 1495 г. оставалось всего 40 купцов, а двадцать лет назад их были сотни. Так братцы Кошкины окончательно закрыли «немецкий двор» в уже подневольном городе Новгороде.

В сентябре того же 1495 г. Яков Захарьевич отправился в поход на шведов. 60-тысячное московское войско под командованием князя Василия Шуйского осадило Выборг. К крепости была подтянута осадная артиллерия с огромными пушками длиной свыше семи метров. Осада длилась три месяца, но шведы еще в 1477 г. выстроили мощные каменные укрепления, и взять город не удалось. Русские ограбили окрестности и в декабре 1495 г. двинулись восвояси.

Интересно, что параллельно с грабежами, борьбой с ересью, войной со шведами братья Захарьевичи успевают заниматься еще и дипломатией.

В 1492 г. умер польский король Казимир. Польша и Литва разделились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, а Александру – Литва. Иван III побаивался короля Казимира, но после его смерти решил начать большую войну. Иван III срочно отправил в Крым своего посла Константина Заболоцкого. Послу поручено было сказать хану

Менгли Гирею, что король Казимир умер, но его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как и отец, и чтобы хан с ними в союз не вступал, а пошел бы войной на Литву. Великий князь также хочет сам сесть на коня. Иван III рекомендовал хану идти на Киев.

Хан выслушал Заболоцкого, но послал в Малороссию не всю орду, а лишь 500 всадников. Иван III хотел воевать чужими руками и послал в Литву два небольших отряда. Тем не менее в Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и великим князем Литовским Александром. Но как это сделать? Ведь на границе Литвы и Руси идет война. Александр решил действовать обходным путем. Полоцкий наместник пан Ян Заберезский послал своего писаря Лаврина в Новгород к московскому наместнику Якову Захарьевичу под предлогом покупки разных вещей в Новгороде, а на самом деле с предложением о сватовстве. Яков Захарьевич, узнав об этом предложении, сам поехал в Москву объявить о нем великому князю. Иван III сначала решил было с боярами, что Якову не следует посылать к Заберезскому своего человека с ответом на его предложение, но потом, когда Яков уже уехал в Новгород, великий князь передумал и послал ему приказ отправить своего человека к Заберезскому, не прекращая, впрочем, военных действий, «потому что и между государями пересылка бывает, хотя бы и полки сходились», и велел писать

вежливо, потому что Заберезский писал вежливо. Посланный должен был все разведать – какие отношения у Александра с панами, какие слухи ходят про братьев Александра. В Москве поняли, зачем в Литве хотят начать дело о сватовстве, и потому посланец Яков Захарьевич должен был передать Заберезскому, что до заключения мира никаких переговоров о браке не будет.

На этом окольная дипломатия закончилась. Литовские паны завели переписку о браке напрямую с первым московским боярином Иваном Юрьевичем Патрикеевым. Наконец, в ноябре 1492 г. в Москву прибыл литовский посол Станислав Глебович. Однако посол и московские бояре заспорили об очередности мероприятий. Глебович хотел свадьбы, а потом переговоров о мире, бояре предлагали заключить мир по воле Ивана III, то есть к Москве должен был отойти ряд пограничных городов (Мценск, Любутск и др.). В конце концов Станислав Глебович безрезультатно вернулся в Литву.

Но дипломатическая игра продолжалась. В Литву едет московский посол дворянин Загряжский. Задача послу была поставлена приемлемая – отспорить у Литвы города, захваченные московским войском. Сенсацией же был новый титул Ивана III. До сих пор в верительных грамотах Казимиру Иван III писал так: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю польскому и великому князю литовскому послами есмо». Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и великий князь вла-

димирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и болгарский, и иных, великому князю Александру литовскому». Итак, впервые великий князь Московский назвал себя «государем всея Руси». Что же произошло? Да ничего, кроме того, что военная мощь Литвы в тот момент была ослаблена, а силы Ивана III велики. Кроме того, Литве угрожал союзник московского князя крымский хан Менгли Гирей. Иных аргументов у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древнерусским киевским князьям. То ли в силу неубедительности сей посылки, то ли потому, что сам Иван с боярами имел весьма смутное представление о Киевском государстве. Послу же был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отцу государя нашего так не приказывали? То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут».

Пока посол Загряжский собирался в Литву, литовские паны возобновили «окольную дипломатию». Опять полоцкий наместник Забerezский послал своего человека в Новгород к Якову Захарьевичу с просьбой продать двух кречетов. Яков немедленно известил великого князя. Тот отвечал, что дело не в кречетах, а посланник приехал, чтобы возобновить переговоры «для прежнего дела», то есть о великокняжеской дочери. Иван III велел Якову послать в Полоцк вместе с кре-

четами надежного и умного человека, который был бы там вежлив, но все выведал и высмотрел. А посланника Заберезского Иван приказал сопровождать до границы приставу, и следить, чтобы он ни с кем в контакт не вступал. И впредь же так поступать со всеми, кто приедет из Литвы.

Таким образом, Иван III был против «окольной» дипломатии. Но тут Александр получил грамоту «государя всея Руси» и понял, что игра слишком серьезна, и тут не до кречетов. В январе 1494 г. в Москву едут «большие» литовские послы. После долгих препирательств литовские послы уступили Ивану III большую часть спорных земель, и главное, в договорной грамоте Иван III был написан государем всея Руси, великим князем Владимирским, Московским, Новгородским, Псковским, Тверским, Югорским, Пермским, Болгарским и иных.

По окончании переговоров Иван III объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 г. новые послы приехали за невестой – московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома не унимался до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Мос-

ковское государство, а наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеда, если бы они попросту драпанули бы через границу, так они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 г. князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцев. Но заметим, что Ольгерд – это языческое имя, а при крещении в православии Ольгерд получил имя Александр. Ольгерд был сыном великого князя Гедемина и русской княжны Ольги, да и сам Ольгерд был женат на Марии, дочери тверского князя Александра Михайловича. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV века стал князем Киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиною». Причиной своего поступка Бельский назвал притеснения православных в Литве – «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Алек-

сандру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры. За Бельским перешли с богатыми волостями князя, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя Московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговом, Стародубом⁷, Гомелем и Любичем; Шемячич – с Рыльском и Новгородом Северским. Вместе с ними последовали и другие князья – Мосальские, Хотетовские, и все по причине гонения за веру.

Литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья северские Можайский и Шемячич были приведены к присяге Ивану III.

Другую часть московского войска возглавил боярин Юрий Захарьевич Кошкин. Вскоре Юрий взял Дорогобуж. На соединение с Юрием Кошкиным Иван III направил тверскую рать под начальством князя Даниила Щени. Даниил был правнуком литовского князя Патрикея Наримонтовича, приехавшего в Москву на службу в 1408 г. Сам Патрикей

⁷ Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

был внуком великого князя Литовского Гедемина. После соединения Щеня должен был командовать большим полком, а Юрий Кошкин – сторожевым. Таким образом, Юрий должен был подчиняться Щене. Кошкин обиделся, заместничал и написал Ивану III, что ему нельзя быть ниже князя Данилы. Иван вежливо одернул зарвавшегося боярина: «Гораздо ль так делаешь? Говоришь, что тебе непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дела; каковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом: так не позор это для тебя». С одной стороны, братья Кошкины оказали великому князю неоценимые услуги, одно новгородское правление чего стоило. А с другой стороны, Иван еще чтит старинные обычаи – негоже потомкам дружинника Кобылы быть выше потомка великого князя Гедемина. В Москве это был один из первых, если не первый случай, когда представитель служилого старомосковского боярства осмелился местничать с князем.

Получив послание Ивана III, Юрий Кошкин успокоился. Забегая вперед, скажем, что урок пошел впрок, и долгие десятилетия Кошкины – Захарьины – Романовы не осмеливались местничать ни с Гедеминovichами, ни с Рюриковичами.

Помирившиеся Юрий и Щеня 14 июля 1500 г. дали бой литовской рати на Митьковом поле на реке Ведроше. Благодаря внезапной атаке засадного полка литовцы были вдребезги разбиты, а гетман князь Константин Острожский со всеми литовскими воеводами взят в плен.

Позже москвичи одержали еще ряд побед, и в марте 1503 г. Литва и Русь подписали перемирие. Великий князь Литовский Александр был вынужден уступить Москве земли князей Семена Бельского, Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича и других. Всего 19 городов и 70 волостей.

Летописные известия о Кошкиных в конце XV века чрезвычайно скудны, а я уже договорился с читателем обходиться без авторских фантазий. Поэтому я не могу сказать, как и почему между 1492-м и 1499 годом Яков Захарьевич на короткое время оказался наместником в городе Костроме. Видимо, это была короткая опала Ивана III. Яков оказался наместником вместе с литовским выходцем Иваном Судимонтом, причем главным был Судимонт. Естественно, что Яков был обижен и постоянно жаловался (бил челом) великому князю. Поначалу он заявил, что «им обоим на Костроме сытым быть не с чего», то есть, сколько ни грабь костромичей, а двух наместников не прокормить. Ах, а какие доходы были в Новгороде!

Потом Яков начал жаловаться по мелочовке на Судимонта. Вот, к примеру, в церкви жена Якова Арина выдвинулась и стала впереди других. Судимонт «взял ее за шкурку, свел с места и поставил туда свою жену Аксинью». Великому князю не лень было разбирать бабьи склоки, и он ответил Якову, «что Судимонт поступил нехорошо», и это «он сделал по литовскому обычаю». В конце концов великий князь пожа-

лел Якова и убрал его из Костромы.

В ходе очередной войны с Польшей Яков Захарьевич в сентябре 1507 г. назначается вторым воеводой большого полка, первым воеводой был князь В.Д. Холмский.

В мае 1508 г. Яков Захарьевич опоздал со своим отрядом и задержался в Дубровне, в то время когда основная часть русской армии осаждала Оршу. 12 июня 1508 г. русские узнали, что польский король Сигизмунд идет к Орше с большим войском. Московские воеводы испугались и со страху отошли на юго-восток к Мстиславлю, король тоже оробел и отошел к Смоленску.

Подробности этих маневров и роль в них Якова Захарьевича до нас не дошли, но более Яков Захарьевич воеводой не назначался. Не исключено, правда, что он заболел. Остаток своих дней он провел в Москве, где и скончался 15 марта 1510 г.

Юрий Захарьевич был женат на Ирине Ивановне Тучковой-Морозовой. В 1480 г. в звании сына боярского Юрий Захарьевич участвовал в походе на Новгород. В 1484 г. он был пожалован в бояре, какое-то время был коломенским наместником и умер в 1504 г.

Детям Юрия будет посвящена целая глава. А пока скажу несколько слов о потомстве Якова Кошкина. У него было четыре сына – Петр Злоба, Иван, Василий Большой и Василий Меньшой, получивших фамилию (прозвище) Захарьиных-Яковлей, а их внуки звались Яковлевыми. (См. Прило-

жение. Схема 5.)

Петр Яковлевич на службе состоял с 1494 г. В 1509 г. Василий III решил расправиться с последним городом-республикой Псковом. Поводов для этого не было никаких. Псков оказал существенную помощь в борьбе с Новгородом, служил надежной защитой от Ливонского ордена. Тем не менее в январе 1510 г. Василий III лично заявился в Псков. Вечевой колокол был снят и увезен, 300 «лучших» псковичей с семьями были сосланы в низовые города. В связи с этим Василий III послал в Москву гонца Петра Яковлевича Захарьина-Яковля «поздравить Москву со взятием Пскова». Хотя надо сказать, что псковичи встречали Василия III радушно и вышли за три версты его встречать. В Пскове была ликвидирована ранее беспошлинная торговля, в город ввезены 1500 московских детей боярских и пищальников. Все псковичи были выселены из Кремля и Среднего города в Окольный город и на Посад. А их место заняли переселенцы из Москвы.

За участие во «взятии Пскова» Петр Яковлевич получил чин окольного. С.М. Соловьев писал, что в 1510 г. Петр Яковлевич был боярином, но это неверно. По крайней мере, до 1522 г. он был окольным. По одним источникам, Петр Яковлевич умер в 1522 г. окольным, а по другим – не только не умер, а в поручных записях 1527–1529 гг. упоминается как боярин, в синоднике же Новоспасского монастыря записана дата его смерти – 9 июня 1533 г. По другим источникам,

Петр Яковлевич умер в 1539 г. От жены Анны он имел четверых сыновей – Григория, Захария, Ивана Хирона и Василия и дочь Марию, выданную замуж за князя И.И. Белевского.

О Василии Яковлевиче Захарьине-Яковле нам ничего не известно, кроме того, что он был пожалован в окольничие в 1513 г. и умер он окольничим 1 августа 1526 г., а по другим источникам – в 1528 г. Он имел жену Анну и двух сыновей – Семена и Михаила.

Внуки Якова Захарьевича Иван Петрович и Семен Васильевич Яковлевы погибли в годы репрессий Ивана Грозного.

В 1565 г. Иван Петрович проходил по «делу» князя Курбского, но был прощен «за поручительство митрополита Афанасия». Но в 1570–1571 гг. Иван и Семен Яковлевы были убиты по приказу Ивана Грозного, причем Семен был убит опричником вместе с малолетним сыном Никитой.

У Ивана остался сын Тимофей, умерший бездетным в полной безвестности, а у Семена – дочь Агриппина, которая жила долго, но замуж так и не вышла. На этом ветвь Захарьиных-Яковлевых пресеклась.

Завершая повествование о детях Захария Кошкина, скажем немного и о его младшем сыне Василии Ляцком. О нем нам известно мало. Женат он был на дочери новгородского боярина Василия Никифорова Ирине. Никифоров был одним из немногих новгородских олигархов, принявших сторону Ивана III, за что и был убит на вече в 1477 г. Василий Ляцкой вместе с братьями сделал себе карьеру и состояние

на разграблении Новгорода. Братцы-наместники пожаловали Василию ряд поместий в новгородских землях – в Шелонской, Бежецкой и Деревской пятинах⁸. Свое прозвище Василий Ляцкой получил от поместья Ляцкий погост в Шелонской пятине.

Зато его сын Иван оказался довольно талантливым воеводой. В 1517 г. Ивана Васильевича Ляцкого мы видим вторым воеводой в боях с поляками за псковский пригород Опочку. Иван Ляцкой командовал отрядом, который разбил литовские силы, шедшие к Опочке на помощь князю Константину Острожскому. Вскоре и сам Константин Острожский был вынужден снять осаду с Опочки и уйти в Литву.

В 1524 г. Иван Ляцкой командовал передовым полком в Казанском походе. В 1526 г. попал в плен к полякам, но скоро вернулся из плена. В 1533 г. Иван Ляцкой в районе Коломны действовал против крымского хана.

В 1533 г. умирает великий князь Василий III, и на престоле оказывается его трехлетний сын Иван IV. Вокруг царственного младенца начинается борьба за власть. Вскоре фактической правительницей государства оказывается вдова Василия III Елена Глинская и ее фаворит князь Иван Овчина-Телепов-Оболенский. Начинаются аресты придворных. Не дожидаясь заточения или казни, окольный Иван Васильевич Ляцкой бежит в Литву вместе со своим сыном Иваном и князем Семеном Бельским. В Польше король по-

⁸ Пятина – административная единица в Новгородских землях.

жаловал Ляцкому богатые имения. Зато на родине его обширные новгородские владения были конфискованы, а мать и дочь заключены в темницу.

В 1534–1535 гг. Иван Васильевич Ляцкой активно участвовал в боевых действиях против России. Московский летописец даже утверждал, что именно Ляцкой надоумил польского короля напасть на русские земли. Ни Иван Васильевич, ни его сын Иван никогда больше не вернутся в Московское государство. Историк Н.В. Мятлев утверждает, что потомки Ивана Ляцкого здравствуют в Польше и поныне.

Глава 6. Михаил Захарьин и дела казанские

В 1517 г. Василий III привлекает Юрия Захарьина к «казанским делам». В свое время Иван III помог казанским и крымским ханам в борьбе с Золотой Ордой. Московские дипломаты приложили много усилий, чтобы сделать Казань и Крым союзниками Москвы. В конце царствования Ивана III так и было. Но при Василии III крымские татары становятся злейшими врагами Руси. Разумеется, тут дело не в личности нового великого князя. Крымские Гирейи попросту использовали союз с Москвой для борьбы с золотоордынскими ханами и с Литвой, которые тоже претендовали на Крым.

К началу XVI века Золотая Орда ушла в небытие, литовцы отказались от претензий на Крым, а главное, сами Гирейи оказались вассалами турецкого султана. Последний был не только повелителем самой могущественной империи в мире, но и главой всех мусульман. Так именовали себя турецкие султаны после захвата Египта и Аравии.

Теперь у Гиреев были развязаны руки. Сама природа сделала Крым сильно укрепленной крепостью, а каждый, кто пытался взять эту крепость, становился врагом Османской империи. Орды крымских татар обрушились на Русь, Украину и Польшу. Малые набеги крымцев происходили ежегодно.

Большие набеги, когда на коней садилось подавляющее большинство мужского населения Крыма, происходили в среднем от двух до семи раз за десятилетие.

Крымские ханы Гирей и турецкие султаны решили включить Казань в сферу своего влияния. Вопрос, с кем пойдет Казань – с Москвой или с Бахчисараем, стал вопросом жизни или смерти Московского государства.

В 1479 г. умер казанский хан Ибрагим. На престол вступил его старший сын Али (от жены Фатимы). Детям от другой жены, Нур-Салтан, пришлось бежать, поскольку в обычаях татарских ханов было по восшествии на престол вырезать своих братьев. Прорусски настроенная знать отправила десятилетнего царевича Мухаммед-Эмина в Москву, а ханша Нур-Салтан с пятилетним сыном Абдул-Латыфом бежала в Крым.

В 1484 г. в Казани произошел государственный переворот. Хан Али был свержен сторонниками Москвы, на помощь которым Иван III отправил «ограниченный контингент» своих войск. На престол был возведен Мухаммед-Эмин.

В 1495 г. к Казани подошло войско сибирского царевича Малука. Жители открыли ворота Казани, а хан Мухаммед-Эмин бежал в Москву. Однако сибирский царевич не поладил с казанской верхушкой и просидел на престоле чуть более года.

И в 1496 г. казанцы стали просить Москву прислать им

хана, но не Мухаммеда-Эмина, а его младшего брата Абдул-Латыфа. Как уже говорилось, Латыф в свое время оказался с матерью в Крыму, а затем в период флирта Гиреев с Иваном III отправился на службу в Москву. Иван III дал ему в удел город Звенигород под Москвой. Иван III предпочел бы иметь в Казани воспитанного на Руси Мухаммеда-Эмина, но уступил просьбам татарской знати и отпустил Латыфа в Казань. Латыф правил шесть лет, но затем вступил в конфликт как с Москвой, так и с собственными подданными. В ходе мирного переворота 1502 г. он был свергнут с престола и отправлен под конвоем в Москву.

Абдул-Латыфа сослали в город Белозерск, а его брат Мухаммед-Эмин вновь стал казанским ханом. После смерти Ивана III в 1505–1507 гг. Мухаммед-Эмин даже немного повоевал с Москвой. Но в целом он был настроен промосковски, и между Москвой и Казанью установились добрососедские отношения. В связи с этим в январе 1508 г. Василий III освобождает Абдул-Латыфа из ссылки и дает ему в удел вначале Юрьев-Польский, а затем – город Каширу.

В 1516 г. хан Мухаммед-Эмин тяжело заболел. Возник вопрос о наследовании престола. Казанская знать направила посольство в Москву, которое известило Василия III о безнадежном состоянии Эмина и просило отпустить в Казань Абдул-Латыфа. Последний был ближайшим родственником и единственным законным наследником Эмина. Однако у Василия III было достаточно оснований не доверять Латыфу.

Осенью 1517 г. в Каширу отправляется с секретным поручением окольничий Михаил Юрьевич Захарьин. О дальнейшем в официальной летописи сказано глухо: «Тое же осени, ноября 19, Абдыл Летыфа царя в живых не стало». Он был отравлен Захарьиным. Заметим, что 42-летний Латыф был полон сил и энергии.

Хан Мухаммед-Эмин протянул до декабря 1518 г. Так пресеклась династия первого казанского хана Улу-Мухаммеда.

Крымское ханство немедленно выдвинуло своего кандидата на казанский престол. Им стал брат Мухаммед-Эмина по матери Сагиб-Гирей. После смерти хана Ибрагима его жена Нур-Салтан вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея. С точки зрения тогдашнего феодального права Сагиб Гирей приходился «седьмой водой на киселе» почившему хану и не имел никаких прав на престол.

Василий III, естественно, тоже нашел кандидата на казанский престол – касимовского царевича Шаха-Али.

Шах-Али имел хорошую родословную, его род происходил от хана Тимура Кутлу. Но, к сожалению, его потомки постоянно враждовали с казанской династией Улу-Мухаммеда, и к Шаху-Али казанская знать заранее была настроена враждебно.

Однако промосковская партия победила в Казани. И 8 марта 1519 г. Шах-Али торжественно выезжает из Москвы в Казань. Фактически же Михаил Юрьевич Захарьин везет на

ханство 13-летнего мальчишку. Их сопровождает десятитысячная конная рать.

Шах-Али родился в России и с шестилетнего возраста безвыездно жил в Касимове. Русский летописец описывает его так: «Онй Шеяль зело был взору страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши долгие, на плечах висящие, лице женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени долгие, скотское седалище». Летописец с сарказмом заметил: «Такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и в посмеяние им».

Тем не менее Захарьину удалось усадить Шаха-Али на престол. После этого Михаил Юрьевич отправился в Москву, а в Казани от имени подростка стал править русский посол Федор Андреевич Карпов.

Но вот в марте 1521 г. у стен Казани появляется конкурент – крымский царевич Сагиб-Гирей с тремя сотнями крымских татар. Явление Сагиба было подобно искре в пороховом погребе. В Казани начался грандиозный погром. Дома и лавки русских и касимовских купцов были разграблены. Было перебито пять тысяч касимовских татар из ханской гвардии и тысяча русских стрельцов. Однако Шаху-Али удалось бежать с тремя сотнями уцелевших в резне касимовских татар. Сагиб-Гирей стал казанским ханом.

Немедленно Сагиб-Гирей и его родной брат крымский хан Мухаммед-Гирей начали подготовку к большому походу на Русь. В этом походе приняло участие почти все мужское на-

селение Крыма и причерноморских степей.

Стотысячное войско Мухаммеда-Гирея подошло к Оке 28 июля 1521 г. Русские войска попытались помешать переправе татар, но были разбиты. В бою погибли воеводы Иван Шереметев, Владимир Курбский, Яков и Юрий Замятины, а Федор Лопата попал в плен.

С востока на Русь напал Сагиб-Гирей с казанским войском. Он разорил Нижний Новгород и Владимир. Войска братьев соединились у Коломны и двинулись на Москву. Василий III срочно уехал по делам в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу. В Москве началась паника.

29 июля братцы подошли к самой Москве и расположились в селе Воробьево (на Воробьевых Горах). Василий III вынужден был подписать униженный договор, по которому он формально признавал свою зависимость от крымского хана и должен был платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам сарайским. Только после этого татары покинули пределы Руси.

Чем занимался в это время Михаил Юрьевич Захарьин, мы не знаем. Скорее всего, он был в Москве, поскольку в 1520 и 1521 гг. он участвовал в переговорах с литовскими послами.

За казанские дела Михаил Юрьевич в 1521 г. получит чин боярина. Чтобы не допустить очередного набега татар, великий князь Василий III приказал весной 1522 г. разместить

большие силы вдоль Оки. Сам великий князь с братом Юрием стал в Коломне. Большой полк был поставлен «под Давичем», передовой – «на устье Осетра», правой руки – под Голутвиным, левой руки – напротив Ростиславля, сторожевой полк – на Кашире. Сторожевым полком на Кашире командовал Михаил Захарьин.

Военные приготовления Василия III испугали крымского хана, и в 1522 г. он не рискнул напасть на Русь.

А в следующем 1523 году хан Мухаммед-Гирей двинулся на Астрахань. Войско астраханского хана Хуссейна было разбито, а город взят штурмом. Однако астраханские татары позвали на помощь ногайцев, внезапно напали на крымцев и убили Мухаммеда-Гирея. Затем астраханско-ногайское войско вторглось в Крым и опустошило его.

Василий III воспользовался ситуацией и весной 1524 г. отправил к Казани большую рать под началом князя Ивана Бельского. В этом походе Михаил Захарьин командовал всей осадной артиллерией.

Сагиб-Гирей испугался русских войск и бежал в Константинополь, оставив в Казани тринадцатилетнего племянника Сафа-Гирея. Так, по крайней мере, утверждает русская летопись. На самом деле он уехал в Константинополь, чтобы получить престол в Бахчисарае, освободившийся со смертью брата.

Русская рать осадила Казань, но взять ее не смогла. Мало того, осаждающие оказались довольно в сложном положении

– возникли перебои в доставке продовольствия, вокруг сновали конные отряды татар и черкес. Русские были вынуждены заключить довольно выгодный для татар мир, признав Сафа-Гирея казанским ханом.

По прибытии воевод в Москву начался «разбор полетов». Князя Бельского обвинили в «робости, неискусстве и даже измене», в Михаила Захарьина – в трусости. Досталось и другим воеводам.

Следствием похода 1524 г. стало обращение Сафа-Гирея за помощью к турецкому султану Сулейману II. Султан официально объявил Казанское ханство своим «юртом».

Глава 7. Михаил Захарьин и дела марьяжные

Участие в Казанском походе 1524 г. не отразилось на карьере Михаила Юрьевича Захарьина. Он по-прежнему участвовал в приемах и переговорах с иностранными послами.

В 20-х годах для Руси не меньшей бедой, чем татарские нашествия, стало бесплодие Василия III. Естественно, о том, что сам великий князь мог быть бесплоден, никто и не заикался, а все валили на его первую жену Соломонию Сабурову. Род Сабуровых происходил от костромского боярина Дмитрия Зерно. Прадед Соломонии Федор Сабур и основатель фамилии Годуновых – Иван Годун – были родными братьями.

Василий III болезненно переживал отсутствие наследника. Он горько жаловался приближенным на свою судьбу. Однажды на охоте Василий увидел большое гнездо на дереве и сказал: «Горе мне! На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты, и на воды не похож, потому что и воды плодовиты: волны их утешают, рыбы веселят». Взглянувши на землю, сказал: «Господи! не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во

всякое время, и благословляют они тебя, господи!» Вскоре после этого он начал думать с боярами и с плачем говорил им: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют». На что бояре ответили: «Государь князь великий! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

Однако Василий III не решился сразу на развод с Соломонией. Великий князь обратился за советом к монахам Афонского монастыря в Греции. Следуя каноническим правилам, афонские монахи развод не одобрили. Зато решительным сторонником развода выступил московский митрополит Даниил. Горой стояла за развод московская служилая знать, естественно, и Захарьины-Кошкины были в их числе. Все прекрасно понимали, что со смертью Василия III они окажутся, в лучшем случае, на вторых ролях. Ведь Василию должен был наследовать его брат удельный дмитровский князь Юрий Иванович, который, естественно, поставит на главные должности в Москве людей из своего дмитровского двора.

В конце 1525 г. митрополиту и боярам удалось склонить Василия к разводу. 23 ноября власти начали «розыск о колдовстве» великой княгини Соломонии. Действительно, несчастная женщина обращалась к знахарям за помощью от бесплодия. Бояре заставили рынду⁹ Ивана Юрьевича Сабурова дать показания против сестры. Иван показал, что Со-

⁹ Рында – оруженосец.

ломония выписала из Рязани ворожею Степаниду и часто с ней общалась.

Соломония и Степанида вместе прыскали волшебной заговорной водой «сорочку, и порты, и чехол, и иное которое платье белое» великого князя, очевидно, чтобы вернуть его любовь.

Теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно подстригли в монахини под именем София. Соломония сопротивлялась до последнего, когда на нее надели монашеское одеяние, она сорвала его и растоптала. Тогда Шиного Поджогин ударил ее плетью. Соломония не могла смириться со своей участью и распустила слух, что она беременна. В распространении этого слуха заподозрили вдову Юрия Траханиотова и жену постельничего Якова Мансурова. Женщины утверждали, что слышали о беременности из уст самой Соломонии. Василий III в гневе избил Траханиотову, а свою бывшую жену немедленно удалил из столицы.

Соломония была заточена в Покровском девичьем монастыре в Суздале. Вскоре по Москве поползли слухи, что в Суздале у Соломонии родился сын Георгий. Гробница таинственного Георгия сохранилась в общей усыпальнице Покровского суздальского монастыря до 1934 г. под видом гробницы Анастасии Шуйской, дочери царя Василия Ивано-

вича, сосланной в монастырь вместе с матерью. В ходе археологических раскопок, проведенных в Покровском монастыре в 1934 г., в предполагаемом месте погребения Георгия в каменном гробике найдена кукла в одежде из шелковых древних тканей, завернутая в материю и опоясанная пояском с кисточками. Костей в гробике археологи не обнаружили. Реставраторы ткани по типичным для княжеской одежды золотым прошивам отнесли мальчиковую рубашку и другие обнаруженные в гробике ткани к концу XVI века. Это же подтверждал и орнамент на надгробной плите. Полученные материалы доказали, что гробница не принадлежала Анастасии Шуйской. Но все это лишь косвенно подтверждает версию о рождении у Соломонии сына.

А тем временем московские бояре подыскивали и невесту Василию – Елену Глинскую. Глинские вели свой род от безродного татарина, поступившего на службу к литовскому князю Витовту. Со временем Глинские стали довольно крупными литовскими магнатами. Михаил Львович Глинский был лучшим воеводой польского короля Александра. Но после смерти Александра Михаил Глинский поссорился с новым королем Сигизмундом I и летом 1508 г. бежал в Москву вместе с братьями Иваном Мамаем и Василием Слепым.

Василий III дал во владение Михаилу Львовичу города Боровск и Ярославец. Но Михаилу этого было мало. Он начал подстрекать Василия III к походу на Смоленск, имея в виду получить город во владение. Однако осторожный Ва-

сий не рискнул доверить перебежчику все войско, поэтому в походах 1513–1514 гг. Глинский командовал лишь передним полком. Смоленск был отбит у поляков, но Михаил Львович не стал его правителем.

Осенью 1514 г. обиженный Глинский решил бежать обратно в Польшу, но был пойман и отправлен в заточение.

Братья Михаила Иван Мамай и Василий Слепой к 1525 г. умерли своей смертью в Москве.

В выборе невесты решающую роль сыграли Захарьины и князя Шуйские. Невеста из клана Захарьиных или Шуйских не могла пройти, поскольку в этом случае против них ополчилась бы вся московская знать. Поэтому для стоявших у престола Захарьиных и Шуйских идеалом была невеста-сирота: отец в могиле, дядя в тюрьме, братья – почти дети. Все были уверены, что брак Василия с красавицей Еленой сохранит «статус-кво» при дворе.

21 января 1526 г. на свадьбе дружкой великого князя был Михаил Юрьевич Захарьин, свахой с его стороны была жена Захарьина. Дружками невесты выступали князя М.В. Шуйский и Б.И. Горбатый, ее свахами – жена И.В. Шуйского и вдова Ю. Траханиотова.

Любопытно, что значительная часть приближенных великого князя не была приглашена на свадьбу. Среди них были двое Бельских, Мстиславский, Воротынский, старшие бояре князя М.Д. Щенятев, В.В. и И.В. Шуйские, А.В. Ростовский.

Больше всего на свадебном пиру присутствовало Захарьиных. Вместе с боярином Михаилом Юрьевичем Захарьиным пировали его мать, жена, сын, двоюродный брат окольный М.В. Тучков с сыном, окольные Иван Васильевич Ляцкой-Захарьин, Василий Захарьин-Яковлев, жена Петра Захарьина-Яковлева.

Подбор гостей на свадьбе недвусмысленно говорит о засыле Захарьиных и их родни при дворе Василия III. Стоит отметить и сближение Захарьиных с потомками суздальских удельных князей – Шуйскими и Горбатыми. Друга жениха Михаил Юрьевич Захарьин и друга невесты Борис Иванович Горбатый были друзьями и между собой. Недаром осенью 1527 г. во время похода крымских татар под предводительством Ислам Гирея М.Ю. Захарьин и Б.И. Горбатый были поставлены руководить обороной Москвы. А внучка Бориса Ивановича Горбатого Евдокия вскоре станет второй женой Романа Юрьевича Захарьина.

Юная красавица Елена пришла по душе 47-летнему великому князю. Чтобы угодить ей, Захарьин, Шуйские и Горбатые просят освободить из заключения ее дядю Михаила Львовича Глинского. Василий III нехотя соглашается. В феврале 1527 г. Михаил был выпущен на свободу и получил на кормление город Стародуб Рязановский. Но М.Ю. Захарьин, М.В. Шуйский и Б.И. Горбатый были вынуждены «поручиться» за Глинского. В случае его нового побега они были обязаны уплатить в казну огромную по тем временам сум-

му – 5000 рублей.

Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду. Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». А что касается ее «целомудрия», то тут вопрос остается открытым.

Прошел год, второй после свадьбы, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям. Василий III не скупился на богатые вклады в монастырскую казну.

И вот 25 августа 1530 г., то есть спустя четыре с лишним года после замужества, Елена родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола было встречено Василием III с огромной радостью. Не иначе, как помогли молитвы монахов о чадородии княгини. Однако у многих современников на этот счет были серьезные сомнения. Уже тогда начались разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепнёве-Оболенском. Ивана с Еленой свела его родная сестра Аграфена Челядина, приближенная великой княгини. К нему мы еще вернемся. Что же касается отцовства Василия III, то, увы, оно достаточно сомнительно.

Однако точно доказать или опровергнуть такое предположение может лишь анализ останков Василия III и Ивана IV, аналогичный исследованиям, проведенным с предполагаемыми останками Николая II и его семьи.

Василий III был крайне властолюбив, и он, естественно, не забыл о церковной оппозиции его разводу и повторному браку. 11 мая 1531 г. начался церковный собор, на который в качестве обвиняемых были доставлены два известных церковных деятеля – Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Боярскую думу на соборе представляли Михаил Юрьевич Захарьин и дьяки. Приговором собора Вассиан Патрикеев был заточен в Иосифов Волоколамский монастырь, а покаявшийся Максим Грек был сослан в Тверь.

30 октября 1532 г. великая княгиня Елена родила второго сына – Юрия. Позднее выяснилось, что ребенок родился неполноценным – «не смыслен и прост и на все добро не строен». Но об этом Василию не суждено было узнать.

Глава 8. Смерть Василия III. и правление Елены Глинской

В сентябре 1533 г. великий князь с женой отправляются в Троицкий монастырь к празднику святого Сергия Радонежского. Из Троицы Василий III поехал в Волоколамскую охоту. По дороге в селе Озерецком он заболел. На левом стеге, на сгибе показалась багровая болячка с булавочную головку. Тем не менее великий князь доехал до Волоколамска, где даже два раза ездил на охоту. Болезнь быстро прогрессировала, и великий князь послал в Москву гонца за князем Михаилом Львовичем Глинским и лекарями-иностранцами Николаем и Феофилом.

Посоветовавшись с князем Глинским, лекари стали прикладывать к болячке пшеничную муку с пресным медом и печеный лук. Но предпринятое лечение принесло только вред – появилось нестерпимое жжение, болячка сильно загноилась, в груди Василий начал чувствовать тяжесть. Лекари дали ему слабительное. В результате у великого князя совсем пропал аппетит. Тогда Василий тайно послал в Москву своего стряпчего Мансурова и дядька Меньшого Путятина за духовными грамотами – своего отца и своей, которую написал перед отъездом в Новгород и Псков. В Москве же он велел своим гонцам держать в тайне цель своего приезда,

ничего никому не говорить, ни митрополиту, ни боярам.

Вскоре грамоты были доставлены. Втайне от братьев, бояр и князя Глинского грамоты были прочитаны великому князю, после чего он повелел свою духовную грамоту уничтожить. Потом велел Путятину опять принести духовные грамоты, призвал Шигону Поджогина и посоветовался с ним и с Путятиным, кого из бояр допустить в думу о духовной и «кому приказать свой государев приказ». Из бояр в Волоколамске были вместе с великим князем: князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Иван Васильевич Шуйский, князь Михаил Львович Глинский и двое дворецких – князь Кубенский и Шигона. Приехал в Волоколамск и старший из братьев Василия III – князь Юрий Иванович. Но великий князь приказал Юрию уехать. Зато за боярином Михаилом Юрьевичем Захарьиным он послал специального гонца.

С большим трудом свите удалось доставить Василия III в Москву, куда он тайно был ввезен 26 ноября.

Вернувшись в свой дворец, великий князь призвал к себе бояр – князя Василия Васильевича Шуйского, Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкого Шигону, и, посоветовавшись с ними, продиктовал дьякам новую духовную грамоту. После чего Василий начал говорить с митрополитом Даниилом, владыкой Коломенским Вассианом и своим духовником протопопом Алексеем о пострижении.

В воскресенье великий князь велел приготовить себе слу-

жебные дары. Когда Василию доложили, что их несут, он встал с постели, опираясь на боярина М.Ю. Захарьина, и сел в кресла. Когда же вошел духовник с дарами, Василий стал на ноги, приобщился со слезами и лег в постель. Затем великий князь призвал митрополита, братьев Юрия и Андрея, всех бояр и начал говорить: «Приказываю своего сына, великого князя Ивана, Богу, Пречистой Богородице, святым чудотворцам и тебе отцу своему Даниилу митрополиту всея Руси. Даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой. А вы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, стойте крепко в своем слове, на чем вы мне крест целовали, о земском строении и о ратных делах против недругов моего сына и своих стойте сообща, чтоб православных христиан рука была высока над бусурманством. А вы, бояре, боярские дети и княжата, как служили нам, так служите и сыну моему, Ивану, на недругов все будьте заодно, христианство от недругов берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно».

Когда братья великого князя и митрополит ушли, Василий сказал боярам: «Знаете и сами, что государство наше ведется от великого князя Владимира киевского, мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре: так по стойте, братья, крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государем, чтоб была в земле правда и в вас розни никакой не было. Приказываю вам Михайлу Львовича Глинского, человек он к нам приезжий. Но вы не говорите, что он приез-

жий, держите его за здешнего уроженца, потому что он мне прямой слуга. Будьте все сообща, дело земское и сына моего дело берегите и делайте заодно. А ты бы, князь Михайло Глинский, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрия кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал».

Василий III сильно мучился, слабел с каждым днем, хотя рана не болела и не увеличивалась, но продолжала гнить и дух от нее был тяжелый. Василий очень страдал от этого, он просил князя Михаила Глинского и своих лекарей Николая и Феофила найти средство, с помощью которого можно было бы избавиться от невыносимого гнилостного запаха из раны. Боярин М.Ю. Захарьин пытался обнадежить великого князя: «Государь, князь великий! Обождавши день, другой, когда тебе немного полегчает, пустить бы водки в рану». Тогда Василий обратился к лекарю Николаю: «Брат Николай! Видел ты мое великое жалованье к себе: можно ли что-нибудь такое сделать, мазь или другое что, чтоб облегчить мою болезнь?» Николай отвечал: «Видел я государь, к себе жалованье твое великое. Если б можно, тело бы свое раздробил для тебя, но не вижу никакого средства, кроме помощи Божьей». Тогда великий князь сказал детям боярским и своим стряпчим: «Братья! Николай узнал мою болезнь: неизлечимая! Надобно, братья, промышлять, чтоб душа не погибла навеки».

К среде великий князь Василий уже не мог встать с посте-

ли. Он опять велел принести себе служебные дары, и, чтобы приобщиться, князя пришлось поднимать под плечи. После причастия Василий даже поел немного. Потом призвал бояр – князей Василия и Ивана Шуйских, Воронцова, М.Ю. Захарьина, Тучкова, князя Михаила Глинского, Шигону, Головкина, дьяков – Путятину и Мишурина. Почти четыре часа великий князь наказывал им о сыне, о земском устройении, как править государством. Бояре разошлись только в седьмом часу вечера. Остались у Василия только М.Ю. Захарьин, Глинский и Шигона, и пробыли до самой ночи. Василий говорил о великой княгине Елене, как ей без него быть, как к ней боярам ходить, и рассказывал, как без него управлять государством.

Между боярами возник раскол. Митрополит и М.Ю. Захарьин поддерживали желание Василия III принять монашество, а брат великого князя Андрей Иванович, боярин М.С. Воронцов и другие были против. В результате к обряду пострижения приступили, лишь когда у великого князя началась агония. Умиравший не мог поднять даже правую руку, чтобы перекреститься, и Михаил Юрьевич Захарьин приподнял его руку и совершил крестное знамение. Ровно в полночь со 2 на 3 декабря 1533 г. великий князь Василий III скончался.

Великая княгиня не присутствовала при агонии мужа. Но, увидев митрополита с боярами, идущих в ее покои, Елена «упала замертво и часа с два лежала без чувств».

Увы, длительный обморок Елены был всего лишь данью этикету. Не прошло и 40 дней со смерти мужа, как вся Москва заговорила о ее фаворите Иване Федоровиче Овчине-Телепневе-Оболенском. Считается, что князья Оболенские были Рюриковичами и свой род вели от князя Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в 1246 г. в Орде. У Михаила Черниговского действительно был сын Юрий Тарусский, а у него – сын Константин, но вот дальше в различных родословных идут серьезные разночтения и путаница с именами. Вообще, историкам неизвестно, чем занимались потомки Юрия Тарусского в первой половине XIV века. Достоверно можно лишь сказать, что в середине XIV века на службу московского князя поступили лица, выдававшие себя за потомков Михаила Черниговского. В XV–XVI веках князья Оболенские, по выражению историка А.А. Зимина¹⁰, «сильно размножились». Кстати, он в своей монографии дипломатично опускает происхождение Оболенских от Михаила Черниговского.

Дед Овчины Василий Иванович Оболенский был боярином у великого князя Василия Темного. Его сын Федор Васильевич Телепень служил воеводой полка правой руки и погиб в 1508 г. в походе на Литву. Воеводой стал и сын Федора Телепня Иван Овчина. Однако он дважды терпел поражение от татар и на него «накладывалась опала» великого

¹⁰ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.

князя. Тем не менее ему каким-то способом вновь удавалось всплывать при дворе. Нетрудно догадаться о влиянии великой княгини.

В январе 1534 г. Овчина впервые упоминается среди бояр. Таким образом, Елена начала свое правление с возведения в бояре своего фаворита. С этого времени Овчина фактически становится соправителем Елены. Положение любовников было незавидное. Ведь Елена не имела никакого официального статуса. Формально великим князем Московским был трехлетний Иван, а Василий III в духовной никак не определил положение Елены. Согласно традиции, вдовы московских великих князей «по достоянию» получали вдовый прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами. В своих письмах к Елене Глинской Василий III никогда не касался деловых вопросов; предчувствуя скорую кончину, он не посвящал жену в свои планы. Вековые обычаи на Руси не допускали участия женщин в делах правления. Из духовной грамоты Василия III следовало, и то довольно невнятно, что делами до совершеннолетия Ивана должны ведать боярин Михаил Юрьевич Захарьин, князь Михаил Глинский и дворецкий Иван Юрьевич Шигона. Понятно, что «сладкая парочка» могла удержать власть только с помощью кровавых репрессий.

11 декабря, то есть спустя 8 дней после смерти Василия III, его брат Юрий Дмитровский был взят под стражу вместе с его боярами. Князь Юрий был заключен в ту же камеру, где

уморили несчастного внука Ивана III – Дмитрия. Нетрудно догадаться, что и Юрий вскоре там тихо почил.

Наглость Овчины вывела из себя даже дядю великой княгини Михаила Львовича Глинского, который, как уже говорилось, был назначен Василием III главным опекуном при младенце Иване. Однако Елена предпочла фаворита дяде. По ее повелению в августе 1534 г. Михаил Глинский был схвачен, ослеплен, закован в цепи и заключен темницу, где и умер через несколько недель. Сразу же после ареста Глинского, опасаясь за свою жизнь, князь Семен Бельский и окольничий Иван Ляцкий бежали в Литву.

В 1537 г. Елена повелела схватить и заключить в темницу и младшего брата мужа – князя Андрея Стародубского. На него надели не только цепи, но и подобие железной маски – «тяжелую шляпу железную». Как видим, у нас был приоритет даже с железными масками. И русская «шляпа железная» оказалась более эффективной, чем знаменита французская железная маска времен Людовика XIV. В ней узник прожил менее полугода.

Совершив серию политических убийств, Елена объявила себя правительницей. Она, не стесняясь, заявляла послам: «Сын наш и мы жалуем...» На приемах послов за ее спиной (в прямом и переносном смысле) стоял Овчина.

А что же делал Захарьин в правление Елены Глинской? Михаил Юрьевич поддержал Елену. Тем не менее из регентского советника при младенце Иване IV он снова превратил-

ся в обычного боярина. Он вновь, как и в начале царствования Василия III, лишь технический исполнитель в посольских и военных делах. Только теперь он выполняет приказания не Василия III, а Ивана Овчины.

В январе-феврале 1537 г. Михаил Юрьевич участвует в переговорах с польскими послами. Осенью 1537 г. он должен был идти вторым воеводой большого полка судовой рати, которую предполагалось отправить к Казани.

В 1535–1538 гг. Михаил Юрьевич ведает артиллерийским нарядом, то есть, говоря современным языком, исполняет обязанности начальника Главного артиллерийского управления. Сохранился документ, где он дает разрешение для принятия на вооружение нового типа гусарских щитов конструкции Ивана Пересветова. Умер Михаил Юрьевич в 1538 г., по другим источникам – в октябре 1539 г.

У Михаила Юрьевича было две жены: Ирина (упоминалась в 1526 г.) и Феодосья (упоминалась в 1534 г.). От первой жены он имел трех сыновей: Ивана Большого, Василия и Ивана Меньшого. От второй жены детей, или, по крайней мере, мужского потомства, он не имел.

Старший сын Иван Большой был пожалован в бояре в 1547 г., умер 1 июня 1548 г. Его единственный сын Михаил умер, не оставив потомства, в 1565 г.

Среднего сына Василия Михайловича Юрьева Захарын женил на Анастасии, дочери боярина Дмитрия Федоровича Бельского. Бельский был потомком (в пятом колене) литов-

ского князя Гедемина. Он занимал довольно высокое положение при Василии III. В 1547 г. Василий Михайлович был пожалован в бояре и назначен тверским дворецким. Умер он 3 апреля 1567 г., оставив дочь и трех сыновей – Ивана, Федора и Протасия.

Младший сын Михаила Юрьевича Иван Меньшой в молодости принял монашеский сан под именем Иоасафа и умер 1 июня 1552 г., погребен в Новгороде.

Младшие братья Михаила Юрьевича – Роман и Григорий Захарьины – появляются в разрядах в 1532 г.

Глава 9. Молодые годы царя Ивана IV

3 апреля 1538 г. умерла великая княгиня Елена Глинская. Немецкий барон Герберштейн, живший в Москве и оставивший подробные описания России, утверждал, что ее отравили. В самом деле, Елена не дожила до 25 лет, никакого мора в том году в Москве не было, так что вероятность естественной смерти была мала.

На седьмой день после смерти Елены в Москве произошел государственный переворот, во главе которого стал князь Василий Васильевич Шуйский. Иван Овчина и его сестра Аграфена были арестованы. На Овчину наложили «тяжелые железа», те самые, в которых в 1534 г. умер Михаил Глинский. Через несколько недель Овчину уморили голодом. Сестру же его Аграфену сослали на север в Каргополь и насильственно постригли в монахини. Заключение в правление Елены князя Иван Бельский и Андрей Шуйский были освобождены.

Первые 8 лет после смерти Елены были временем жестокой борьбы за власть придворных группировок. Наиболее сильными были кланы Шуйских (потомков удельных суздальских князей) и Гедеминовичей Бельских. Борьба их изобиловала интригами, убийствами и предательствами. По-

степенно в нее стали вовлекать и малолетнего Ивана. В тринадцать лет Иван впервые приказал казнить человека. Причем не просто подписал составленный другими смертный приговор, а лично внезапно приказал псарям убить князя Андрея Шуйского, то есть по случайной прихоти, без суда и следствия.

Надо ли говорить, как формировался характер ребенка, в 8 лет оставшегося полным сиротой, причем не только без родителей, но и без дедушек и бабушек, братьев, дядей и тетей. Мало того, ходили слухи и о его незаконном происхождении, ведь связь Елены Глинской с Иваном Овчиной ни для кого не была секретом. Недаром юный Иван приказал посадить на кол Федора, сына Ивана Овчины, а племянника Ивана Дорогобужского – обезглавить.

Но, увы, я не буду подробно останавливаться на периоде с 1538 по 1546 г., так как он достаточно хорошо описан историками и романистами, а главные наши герои Захарьины практически не участвовали в борьбе за власть.

Глава клана Захарьиных Михаил Юрьевич постригся в монахи и умер, как уже говорилось, в 1538 или 1539 г.¹¹ Три его сына и брат Григорий Юрьевич остаются в малых чинах (не выше окольничего) и не участвуют в дворцовых интригах.

¹¹ В книге Некрасова С.М. «Предки царя Михаила Федоровича Романова» (Тверь, 1913) утверждается, что Михаил Юрьевич умер 1 марта 1567 г., но это явная ошибка. Некрасов спутал Михаила Юрьевича с его братом Григорием.

Так, о Григории Юрьевиче Захарьине известно лишь, что жену его звали Ульяна, брак был бездетен, и супруги постриглись в монахи, приняв имена Гурий и Евпраксия. Долгое время считалось, что Григорий Юрьевич погребен в Нововоспасском монастыре. На самом же деле он умер 1 марта 1556 г. и погребен в Смоленском соборе московского Новодевичьего монастыря.

Брат же Роман Юрьевич, как уже говорилось, ушел со службы и умер 10 февраля 1543 г. в возрасте около 40 лет. Сведений о его жизни почти не сохранилось. Роман служил окольничим при Василии III и первый раз упоминается в разрядах во время похода 1532 г., а последний раз упоминается в разрядах в 1535 г. Дальше он по неясным причинам на службе не состоял.

Исследования останков Романа Юрьевича показали, что он был высоким (178–183 см), атлетически сложенным мужчиной. Череп его представляет классический тип атлантико-балтийской расы (узкое продолговатое лицо, высокий прямой лоб, светлые волосы). Левая нога скелета была согнута и, видимо, не разгибалась и при жизни. Роман Юрьевич страдал болезнью Педжета – патологическим процессом костной системы, в основе которого лежит нарушение внутрикостного метаболизма (обмена веществ). Видимо, болезнь костей левой ноги и стала причиной ухода Романа со службы.

Видимо, Роман был любимцем отца, и Юрий Захарьевич завещал ему свой деревянный терем, стоявший рядом с ка-

менной церковью Святого Георгия на Дмитровке.

В историю же Роман Юрьевич вошел исключительно своей плодovitостью. Чтобы не путать его многочисленное потомство с детьми и внуками Михаила Юрьевича, их стали называть Юревы-Романовы, а затем – просто Романовы. (См. Приложение. Схема 4.)

Роман Юрьевич был дважды женат. Имя первой жены до нас не дошло, вторую жену звали Ульяна Федоровна¹². У Романа были сыновья Далмат, Данила и Никита, а также дочери Анна и Анастасия.

Старший сын Романа Далмат не надолго пережил отца и умер бездетным 5 октября 1543 г. Дочь Анна была выдана за князя Василия Андреевича Сицкого, Рюриковича, потомка ярославских удельных князей. С Сицкими мы будем часто встречаться, поэтому придется сказать о них несколько слов.

У Давида Федоровича, князя Ярославского, умершего в 1321 г., было два сына – Василий Грозные Очи и Михаил. Старший сын получил в наследство город Ярославль, а младший – город Мологу. Михаил Моложский имел трех сыновей. В результате его удел был разделен на три части. У его старшего сына Федора было четыре сына, и опять удел делится на четыре части. В результате у Семена Федоровича оказались лишь земли на реке Сить. Поэтому этого Семена прозвали Ситским, позже прозвище изменилось на Сицкий. Он и стал родоначальником многочисленных Сицких кня-

¹² По другим данным – Ульяны Ивановны.

зей. Правда, сам Семен имел всего двух сыновей, из которых Борис был бездетным, а Петр имел лишь одного сына – Федора Кривого. Зато Кривой наплодил семерых сыновей. Одним из внуков Федора Кривого и был Василий Андреевич Сицкий.

У Василия и Анны Сицких родилось три сына – Юрий Косой, Василий и Федор, а также дочь Степанида.

Младшая дочь Романа Юрьевича Захарьина – Анастасия – ко времени смерти отца оставалась в девицах.

В житии святого Геннадия Любимградского сказано, что он приехал в Москву и посетил дом Романа Захарьева на Дмитровке. Геннадий благословил сыновей Романа – Данилу и Никиту, а, благословляя Анастасию, пророчески сказал: «Ты еси розга прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица».

Скорее всего, это позднейший вымысел, начала 40-х годов XVII века, когда нужно было любой ценой обосновать законность воцарения Михаила Федоровича. Вот и пришлось Геннадию Любимградскому-Костромскому выступать в роли архангела Гавриила.

В начале XVI века сформировался и некрополь рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых. Им стал московский Новоспасский монастырь. Спасский монастырь возник в XIV веке в Кремле вокруг церкви Спаса на Бору, там, где сейчас находится Оружейная палата. В 1462 г. монастырь был переведен из Кремля за пределы города на берег Москвы-ре-

ки у начала Нижегородской дороги. В 1496 г. там был построен каменный Преображенский храм. В этом храме первым из рода Захарьиных в 1498 г. был погребен Василий Юрьевич. Там похоронена большая часть семейства Захарьиных-Юрьевых-Романовых. Однако там нет родоначальника Романовых – Романа Юрьевича. Место его захоронения неизвестно.

Глава 10. Царица Анастасия Романовна

13 декабря 1546 г. шестнадцатилетний Иван позвал к себе митрополита Макария и объявил, что хочет жениться. На следующий день митрополит, отслужив молебен в Успенском соборе, пригласил к себе всех бояр, даже опальных, и они все вместе отправились к великому князю. Иван сказал Макарию: «Милостию божею и пречистой его матери, молитвами и милостию великих чудотворцев, Петра, Алексея, Ионы, Сергия и всех русских чудотворцев, положил я на них упование, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслил жениться. Сперва думал я жениться в иностранных государствах у какого-нибудь короля или царя. Но потом я эту мысль отложил, не хочу жениться в чужих государствах, потому что я после отца своего и матери остался мал. Если я приведу себе жену из чужой земли, и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет. Поэтому я хочу жениться в своем государстве, у кого бог благословит, по твоему благословению». По словам летописца, митрополит и бояре заплакали от радости, видя, что государь так молод, но уже ни с кем не советуется. Но молодой Иван еще больше удивил их, сказав: «По твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета хочу прежде

своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник наш великий князь Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились. И я также этот чин хочу исполнить и на царство, на великое княжение сесть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.